

ДВАДЦАТЬ ЛЕТ СВЕТА И ТЕПЛА

Приветствие архиепископа Егорьевского Марка	3
Друзья и авторы – «Лампаде»	4
<i>Надежда</i>	
Мой Храм	6
<u>ЧТО ЗНАЧИТ ОБРАТИТЬ ДРУГУЮ ЩЕКУ?</u>	
<i>Диакон Сергей Сиренко – Павел Демидов</i>	
Движение к идеалу и есть наша цель	7
<i>И.А. Ильин</i>	
Когда нужно поставить точку (из книги «О сопротивлении злу силой»)	8
<i>Лариса Беляева</i>	
Анкета «Лампады». Скажите, пожалуйста	10
<u>ЦЕРКОВЬ ЗЕМНАЯ</u>	
<i>Лев Шлосер</i>	
Пастырь человеколюбия	12
<u>ЦЕРКОВЬ НЕБЕСНАЯ</u>	
<i>Вадим Рутковский</i>	
Московский след крымских Гаврасов	14
<i>Т.В. Шалыганова</i>	
Где просто – там ангелов со сто	16

ПРАВОСЛАВІЕ БЕЗ ГРАНИЦЬ

<i>Борис Сумашедов</i>	
Окруженный Россией	17
<u>СТРАНА КРАСОК</u>	
<i>Монахиня Софрония (Алексеева)</i>	
Путь к Богу – это непременно ежедневный труд	20
Об иконах матушки Христины	22
<u>СТРАНА СЛОВ</u>	
<i>Дмитрий Шеваров</i>	
Не улетайте, журавли	24
<u>МИР ВОКРУГ НАС</u>	
<i>Священник Роман Мишин</i>	
«Мы – скауты, рыцари Бога»	28
Как нужны сегодня его слова и дела!	31
<i>Ирина Ушакова</i>	
Пока живо слово – жив народ	32
<i>Василий Крюков</i>	
Софрониева гора, наша новая родина	34
<i>Вера Кострова</i>	
...И впадаю в дыхание с ними одно	38
Стихи Татьяны Мишиной	39

**Храм иконы
Божией Матери «Знамение»
в Ховрине**

Настоятель
протоиерей Георгий Полозов

Главный редактор
Павел Демидов

Зам. главного редактора
Лариса Беляева (подписка,
распространение, реклама)

Верстка Иветты Бухаровой

Корректор Александра Федорова

Обложка: Вадима Лунёва

Адрес редакции:
125414, г. Москва,
ул. Фестивальная, 77а

Телефоны: (495) 453-9101
8-963-962-5575
www.znamenie-hovrino.ru

Свидетельство о регистрации
ПИ № ФС77-49478 от 24.04.2012 г.
Выход в свет 05.11.2013

Цена свободная

Издается на добровольные пожертвования

Приход храма иконы Божией Матери «Знамение» в Ховрине, город Москва.

Тверское ОСБ 7982/1653 г. Москвы
Сбербанк России г. Москвы
ИНН 7712050269
р/с 40703810938080100250
БИК 044525225
к/с 30101810400000000225
КПП 774301001

Отпечатано
в ОАО «Можайский полиграфиче-
ский комбинат»
143200, Московская обл., г. Можайск,
ул. Мира, 93

Контактные телефоны:
(495) 745-84-28;
(49638) 2-06-85

Тираж 1600 экз. Заказ № 797
© Лампада, 2013

Фото Евгения Борисова

Его высокопреподобию протоиерею Георгию Полозову, настоятелю храма иконы Пресвятой Богородицы «Знамение» в Ховрине г. Москвы, сотрудникам и авторам журнала «Лампада», прихожанам, читателям и редакторам журнала

Дорогие братья и сестры!

Вот уже 20 лет прошло с того момента, как одновременно с первыми шагами по возрождению храма в Ховрине вышел и первый номер просветительского журнала «Лампада».

В то время это была небольшая скромная газета, главным образом рассказывающая о новостях и знаменательных событиях в жизни Русской Православной Церкви. Сегодня «Лампада» – известный журнал, адресованный широкому кругу читателей. Издание доступно как в столичных храмах, так и в отдаленных приходах. Выйдя за родную церковную ограду, журнал превратился в крупное издание, способное выполнять катехизаторскую, просветительскую и культурологическую миссию.

Авторский коллектив «Лампады» – священнослужители, люди искусства, общественные и политические деятели – ведет кропотливую работу по насыщению журнала материалами, способными заинтересовать и верующего человека, и привлечь внимание еще не воцерковленного читателя. Как результат, тираж «Лампады» растет из года в год.

Надеюсь, что ясный и теплый свет «Лампады» будет и впредь согревать сердца ее читателей и помогать им в стремлении к Истине. Молитвенно желаю коллективу журнала, авторам, настоятелю храма дальнейших успехов в их благородном деле – несении людям света учения Христова.

С пожеланием помощи Божией сотрудникам журнала Знаменского прихода и всем потрудившимся во славу Божию

+ M.P.K.

МАРК,
Управляющий Северным
московским викариатством
архиепископ Егорьевский

Друзья и авторы – «Лампаде»

Мир товарного изобилия предполагает наличие засыпанных самыми разными книгами и журналами полок в книжных магазинах и на лотках. Так оно вроде и есть, но до чего же мало среди этого изобилия качественной религиозной пищи. Почему? Потому что мы не научились говорить о Господе и доверять бумаге свои мысли и переживания. В этих специфического дефицита условиях удачный журнал – большая находка.

Удачный журнал, в моем понимании, – это журнал, говорящий негромко, не кричащий. Умение поднять шум – вовсе не признак обладания истиной. Наоборот, ценно умение говорить о важном так спокойно, словно впереди целая вечность и нет никакого «врага у ворот». Этому умению соответствует само понятие «лампады». Лампада – это не театральный софит и не корабельный прожектор. Лампада светит очень тихо и скромно, но даже самое малое сияние, как известно, уничтожает тьму как абсолют. При самом маленьком и ровном пламени тьма теряет всеисилие. Собственно, этим и ценна лампада. Желаю журналу тихо светить и, не срываясь на крик, говорить о главном.

Протоиерей Андрей Ткачев

В чем сегодня пуще всего нуждается российское общество? Конечно же, в духовности, в духовных скрепах, как обозначил это президент Путин. Необузданное, часто криминальное обогащение одних и ужасающая нищета других, исход из отечественной жизни традиционных наших нравственных устоев, разгул вседозволенности, порока – все это реальные угрозы самому существованию страны.

Среди общественных институтов, нынешних российских СМИ немного найдется тех, кто обращается к людским душам, укрепляет их в борьбе со злом, возрождает духовность и святую веру. В этом невеликом ряду – журнал «Лампада», который редактирует мой друг, коллега по совместной работе в газете «Известия» Павел Демидов. Павел Павлович – очень светлый человек, журналист-профессионал высочайшего класса, который всю свою жизнь отстаивает высокие идеалы, традиции Православия в нашей жизни. Недаром у его «Лампады» есть подзаголовок: «Журнал для тех, кто стремится к Истине».

Желаю всем нам к этому стремиться.

*Борис Резник,
депутат Государственной Думы,
член Комитета по безопасности
и противодействию коррупции,
секретарь Союза журналистов России*

Безмерно рад, что «Лампада» светит уже 20 лет. В наше непростое время, когда нет проблем собрать кучу денег на собачьи бои или на конкурс «мисс бюст», безмерно трудно находить силы и средства на выпуск журнала, освещающего проблемы духовной жизни. Ибо проблемы эти не имеют непосредственного коммерческого результата: они не заставляют что-либо покупать, за кого-либо голосовать, куда-либо отправляться в круиз. Они приглашают человека к размышлению – о жизни, о судьбе, о должном и сущем, о прошлом и будущем.

Глядя на мерцающий огонек лампы, так легко вознестись мыслью от сиюминутных хлопот к высотам мирозерцания. Но ведь этот огонек еще нужно зажечь, не дать ему погаснуть на холодных и порывистых ветрах рыночной экономики. А в этом главная заслуга сотрудников и авторского коллектива журнала. По собственному опыту знаю, что журналистика – не просто профессия. Это состояние души. То состояние свободного полета мысли и ответственного взгляда на окружающий мир, без чего немислима та, настоящая

публицистика, воплотившая горести и странности российского пути в изумительные творения мысли и совести. Не мессианство и не миссионерство, а внутренняя потребность гармонии помыслов, слов и дел движет авторами «Лампады», разбросанными по городам и весям и порой ощущающими на себе удивленные взгляды тех, кто по сей день полагают Россию на оборотной стороне земного диска. Дай им Бог удачи. Всегда и во всем.

*Михаил Федотов,
председатель Совета при Президенте РФ
по развитию гражданского общества и правам человека*

Каждый раз с интересом беру в руки новый номер журнала «Лампада». Множество рубрик, полемические вопросы, которые ставят авторы перед интересными собеседниками, способны, думаю, заинтересовать широкий круг читателей разных возрастов и сфер деятельности. А главное – журнал несет православный дух, заставляет читателя задуматься о важных нравственных вопросах. Хочется пожелать творческому коллективу журнала помощи Божией и процветания еще на многие лета!

*Елисавета (Жегалова),
игуменья Свято-Троицкого Стефано-Махрицкого
ставропигиального монастыря*

Слава Богу, сегодня выходит много православных журналов не в одной столице, а и в провинциальных епархиях (напишешь и смутись: есть ли у Бога провинция?). И вроде бы чем отличаться? Разве мы служим разные всенощные и Литургии и разве встречаем разные двенадцатые праздники?

Но подлинно – у Бога обителей много. Во всякой душе своя. Да ведь и живем мы на пересечении одной церкви да разного внешнего мира, и в Мурманской епархии поневоле иначе, чем в Алма-Атинской. И чем журналов больше, тем и отраднее – сад Господень красится разными цветами. Одни словно воскресный день, другие – тихие будни.

Поднимите глаза к иконам – лампада горит скромно и ровно. Мы ее порой ни в храме, ни дома в красном углу почти и не видим, а она и не бросается в глаза и не ищет нашего внимания. У нее свое дело – освещать образ Божий. Бегаешь, суеишься, а остановишься на минуту – лампада тиха и покойна. И сам притихнешь душой.

Наш журнал бережет чистоту имени и выполняет свое умное дело, как и подобает будничному служению, – несуетно и твердо. Его девиз на обложке требователен и, в общем,

тоже повседневен: «Для тех, кто стремится к Истине». Стремится – значит, не останавливается, помнит, что Господь – «Путь, Истина и Жизнь», и Путь тут не зря впереди.

Разогните любой номер, прочтите от первой до последней страницы – и увидите этот путь в исторических очерках, епархиальных заметках, бесхитростных рассказах о человеческих судьбах и редкой, но не случайной поэзии. Он и в одежде прост, не бежит за нарядным временем (а уж и в церковных журналах бывают ревнивы, которые щеголяют во вполне светских гламурных платьях). И в этой неброскости есть тоже мирное лампадное служение – делать свое дело не перед людьми, а перед Богом.

Самонадеянный век нет-нет и повторит за молодым Александром Сергеевичем – «как эта лампада бледнеет пред ясным восходом зари», но уж история и жизнь научили нас, что день кончается вечером, и лампада опять озаряет Лик Божий, чтобы мы не сбивались с пути и знали, что Истина всегда впереди.

Гори, милая «Лампада»! Свети нам на беспокойных наших путях.

Валентин Курбатов

Как назовешь корабль, так он и поплывет. Хорошее название у журнала. Мне оно очень близко еще и потому, что некоторое время в газете «Труд» я вел православную страницу, которая тоже так называлась.

И для журнала-юбилера это название подходит удивительно точно. Все время ощущаешь этот особый свет, когда читаешь опубликованные здесь тексты, да и когда сам сюда пишешь. Мне всегда доставляло большую радость сотрудничать с журналом и его замечательным редактором Павлом Демидовым. Надеюсь, что «Лампада» и в дальнейшем будет продолжать светить так же вдохновляюще и благотворно и читателям, и авторам.

*Валерий Коновалов,
главный редактор газет
«Крестовский мост»*

Мир вам!

Дырки пробиты. Щебень укатан. сейчас должен и асфальт к порогу быть уложен. Правда, как соединить систему отопления храма с котельной, пока уразуметь не можем. Как бы вновь дырки бить не пришлось.

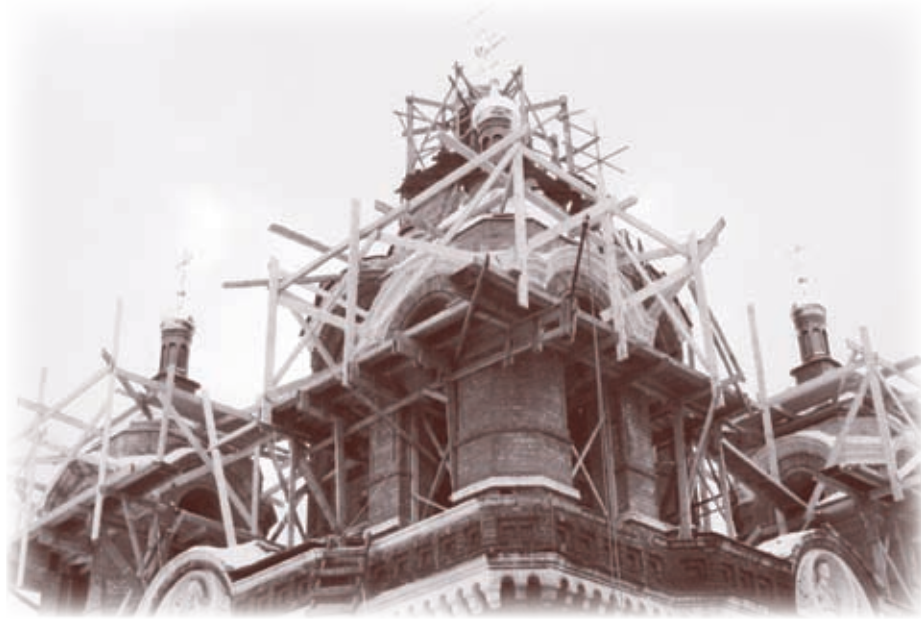
У Маши (средней) спрашивают: «Как школа?» – «Пока претензий нет».

Читаю «Лампаду» №5. С круглой датой!

*Ваш куньевско-апоченский подписчик
иерей Владимир Русин*

Мой Храм

Вспоминаю храм «Знамения» 54 года назад, или, точнее, в 1959 г.

У меня родился братишка Сережа. Мама была в декрете, и когда она вышла на работу после декрета, выяснилось, что ее место, на котором она работала до родов, пока занято. Ей предложили временно поработать сторожем в артели слепых. Артель слепых располагалась в храме, закрытом во времена очередных гонений на церковь и приспособленном под рабочее помещение. Мама согласилась. Братик родился в конце ноября 1958 г., поэтому воспоминания мои относятся к зимним месяцам.

Храм казался черным, несмотря на то, что сложен из красного кирпича. Рядом с ним крохотная проходная, которая отапливалась печкой. Она служила одновременно и сторожкой, и проходной. Там было тепло и горела одна очень тусклая лампочка. Мне, ребенку, было любопытно заглянуть, что там в храме. А в храме был черный купол. Под куполом светились днем окна. Освещение в храме было скудное. Видно, считали, зачем людям слабовидящим или совсем слепым — свет? А может, и выключали его, когда рабочий день заканчивался. Не помню, были

ли перекрытия между нынешним нижним храмом и верхним, помню только, что по всему полу валялись металлические полосы и заготовки в виде кружков разного диаметра. Стояли разные станки-штампы. В одни станки закладывались заготовки-полоски — слепой нажимал на рычаг, и из полосы-заготовки вылетали кружки разного диаметра. Из них делали крышки для банок и бутылок. Слепые получали копейки, но для них это был выход в люди, они чувствовали себя нужными. У них была своя жизнь — романы, интриги, ругань, дружба и любовь. У них был свой круг общения. Я, будучи ребенком, с ужасом наблюдала, как они шли по высокому мосту через железную дорогу станции Ховрино по мокрым обледенелым ступеням, нащупывая белыми палочками дорогу. Одной стороной забор храма выходил на современную улицу Клинскую. С одной стороны стояли частные деревянные дома с заснеженными садами. С другой стороны — усадьба Грачевка, в которой располагался областной реабилитационный центр для больных костным туберкулезом. На этой же улице жила старушка-няня, к которой утром отвозили братика, а вечером я его сажала на санки и

привозила к маме на работу. Потом ситуация у мамы с работой поменялась, и мимо храма мы ходили только на станцию.

Сегодня ходила, пыталась найти хоть какие-то следы детства. Сейчас живу в районе ВДНХ. Много лет ухаживала за мамой. Братик с семьей живет в Австралии уже двадцать лет. Мама умерла год назад, отпевали ее в нижнем храме на Рождество Богородицы. Ждали прилета брата.

Вспомнила еще один эпизод. Приезжаю как-то к маме. Какой это был год, не помню. Смотрю — нет одного ковра. Спрашиваю: «Мама, а где ковер?». Она говорит: «Храм в Ховрине начали восстанавливать. Я ковер вычистила и отнесла. Батюшкам стоять, служить холодно». Пока она была в силах — ходила в храм, исповедовалась, причащалась. Остальные воспоминания касаются уже самого Ховрина, когда-то живописного поселка с гармоничной природой, красивыми и яркими, как бабочки, щеглами, быстрой речкой Лихоборкой, садами, огромными ветлами, которые сегодня остались только в Грачевке.

Простите меня, грешную р. Б. Надежду. Так храм коснулся жизни нашей семьи.

Движение к идеалу и есть наша цель

Не так давно в «Лампаде» была беседа с настоятелем храма Трех святителей, что на Кулишках, протоиереем Владиславом Свешниковым. Ее тема: «Почему одни слышат голос Бога, а другие — нет?». Сегодня наш собеседник — клирик этого храма диакон Сергей Сиренко. А тема нашей беседы — «Что значит обратить другую щеку?».

Павел Демидов

— Мне казалось, что «другая щека» — это метафора. Не случайно же ее рассматривают как антитезу принципу адекватности — «око за око». Не кажется ли вам, что вульгарные толкователи Евангелия охотно используют эту христианскую максиму, чтобы попрекнуть верующих: ну что же вы не подставляете другую щеку, когда вас бьют по одной, а дайте сдачи? Нет ли в этом упреке хоть частицы справедливости? Не предстает ли христианское общество неким аморфным, полным покорности собранием людей?

— В моем понимании подставить другую щеку — это, прежде всего, не воздавать злом за зло и прощать причиненные обиды. На первый взгляд может показаться, что Евангелие наполнено максимами невыполнимыми. Взять хотя бы Нагорную проповедь. Например, «Любите врагов ваших». Или Заповеди блаженства. По силам ли они нам, слабым людям?

Ответ очевиден. Но нужно различать максимы и императивы. Максима — это верхняя планка, эталон, абсолютное содержание. Императив — требование. Невозможно категорически требовать исполнения максимы, и Христос, зная поврежденную природу человека, не требует этого от него. Ибо требовать невозможного — это обрекать на пессимизм и уныние. А наша вера — это вера оптимистов. Христос ждет от нас стремления к максиме, ждет процесса, ибо он и есть для нас результат. Что же касается того, что вы называли аморфностью христианского общества, могу сказать следующее. Подлинно христианскому сознанию это не грозит. Беру нарочито крайнюю ситуацию. Апостол Павел говорит, обращаясь к Римлянам (16:19): «Ваша покорность вере всем известна». А в послании к Евреям читаем (13:17): «Повинуйтесь наставникам вашим и будьте покорны».

И почти дословно у другого апостола (1 Пет. 2:13): «Будьте покорны всякому человеческому начальству...». Как видим, последнее не только не противоречит покорности вере, но покрывается ею, органически входит в нее. Иной оппонент торжествующе воскликнет: «Вот она и есть, христианская аморфность!». Воскликнет — и будет посрамлен. Ибо призыв апостола Петра завершается существенным условием: «Будьте покорны всякому человеческому начальству, для Господа». То есть христианская покорность имеет неодолимый предел: она праведна, пока не идет против Бога. У всех перед глазами пример христианских мучеников, которые были покорны властям до тех пор, пока это не шло вразрез с христианскими заповедями.

— Сегодня стало популярным объяснение, что речь идет об ударе по правой щеке тыльной стороной ладони. Мне кажется, это скорее экзотическое толкование, не имеющее отношения к сюжету как таковому. Важно поведение побиваемого, а не оскорбителя. Ведь не случайно Христос обращается именно к нему, а не к виновнику конфликта.

— Я не согласен относительно «экзотического толкования», ибо в ту эпоху такой удар действительно был тяжким оскорблением. Сегодня, к сожалению, аргументом в споре нередко выступает бейсбольная бита. Но дело, в принципе, не в тяжести нанесенного удара, а в тяжести оскорбления и реакции на него. Потому и в случае с «другой щекой» фигурирует наиболее острая коллизия. Нужно сказать, что евангельским текстам вообще присущи, казалось бы, внешне не очень «громкие» сюжеты, но они чрезвычайно глубоки, многослойны, и пласты эти открываются не сразу и не вдруг, но в результате духовного и интеллектуального в них погру-

жения, осмысления — как награда за работу души. Вспомните в Евангелии от Матфея притчу о стаде свиней. Ну, сгинуло стадо, его уже не вернуть. Но почему «весь город» просил Иисуса, «чтобы Он отошел от пределов их»? Да потому, что они не хотели менять свою жизнь, погрязшую в грехе. В тексте об этом впрямую не говорится, но «имеющий уши да слышит». Так что толкование, экзотическое или не очень, — это не объяснение того, что лежит на поверхности, а постижение глубинных смыслов. Предмет нашего разговора — это, насколько я понимаю, постижение смысла взаимодействия оскорбляемого и оскорбителя. Господь в Евангелии постоянно обращает внимание своих слушателей именно на поведение пострадавшего и отношение к нему Христа, как в случае с евангельской блудницей, которую хотели побить камнями. Внешне вроде бы банальный бытовой сюжет, а в сути своей — призыв не спешить с судом, но посмотреть прежде на себя, на бревно в своем глазу. Максима? Да! Императив? Нет, воззвание к собственной совести.

— Меня всегда интересовало: что человеку труднее сделать — простить или попросить прощения?

— На самом деле этот вопрос не такой простой, как кажется. С одной стороны, мы достаточно легко прощаем, но в душе часто бывает неприятный осадок, который остается на очень долгое время. С другой же стороны, просить прощения кажется делом простым, но зачастую это «извинение» отдает лицемерием. И я прекрасно знаю это на собственном горьком опыте. Но все же, на мой взгляд, труднее для человека искренне просить прощения.

— Может быть, это происходит оттого, что, прощая, человек выступает как своего рода субъект отношений? Он принял решение, и от него зависит, поступить так или иначе. Когда же человек собирается просить прощения, он словно бы вверяет свою судьбу другому, он уже объект, и уже не от него зависит дальнейший ход событий.

— Возможно, возможно...

– А какую обиду вы не могли бы простить?

– Во всяком случае, я знаю твердо: я смог бы простить любую обиду, касающуюся меня лично, но не уверен, что смогу простить обиду, нанесенную моим близким.

– Что важнее для вас: мир и согласие или утверждение своей правоты? Часто ли вы сожалели о том, что кому-то в чем-то уступили? Вы скорее уступчивы или настойчивы?

– Для меня, безусловно, гораздо важнее мир и согласие, и ради этого я готов поступиться собственной правотой. Тому есть множество примеров из моей жизни, хотя порой бывало больно и обидно до слез. И я, конечно, скорее уступчив, чем настойчив.

– Николай, Мир Ликийских чудотворец, не только не подставил свою щеку, но и вlepил оплеуху Арию. И это ему не вменяется в вину. Вероятно, есть ситуации и ситуации. Например, когда совершается святотатство. Так?

– Святителем Николаем руководила ревность о Боге, о которой пишется в Евангелии. И хотя христианская максима о подставляемой щеке остается в силе, долг всякого христианина, если совершается святотатство или он видит оскорбляемым и унижаемым слабого

и беззащитного, – воспрепятствовать этому.

– Так верно ли, что «другая щека» – это все же метафора, покрывающая сферу личных отношений? Не случайно же, повторюсь, ее рассматривают как антитезу принципу адекватности – «око за око».

– Я готов с этим согласиться. Тем более что Евангелие – это, как мы уже говорили, сплошь метафоры и глубинные смыслы.

– Если бы к вам обратились с прямым вопросом, что же это все-таки такое – подставить другую щеку, как бы вы на него ответили?

– Это значит практически исповедовать, что худой мир лучше доброй ссоры. Но, к сожалению, как часто бывает в нашей жизни, проще что-то декларировать, чем исполнять на деле.

– Часто ли вам лично приходилось оказываться в ситуациях, которые требовали «подставить другую щеку»?

– Мне трудно сказать, что такое «часто» или «не часто». Пять раз, десять?.. Такие ситуации, безусловно, были, и я не могу сказать, что всегда выходил из них с честью.

– А не случилось ли вам встречать такое? Ты подставляешь «другую щеку», а твой оппонент не толь-

ко не успокаивается, но, напротив, раздражается еще больше. Чем это можно объяснить?

– Такие ситуации встречаются сплошь и рядом. Объясняется это довольно просто, на мой взгляд. Такова человеческая природа. И что греха таить, мы все попадали в такие ситуации. И потом всегда бывает больно и стыдно.

– Насколько реально в нынешних условиях даже серьезно воцерковленным людям исповедовать правило «другой щеки»? Мне кажется, противостояние в обществе достигло такого высокого градуса, что это самое правило звучит анахронизмом. Вам так не кажется?

– Есть такое понятие, как христианский идеал. В Евангелии огромное количество таких случаев, ситуаций и высказанных Христом истин, которые кажутся недостижимыми. Но это не значит, что мы не должны стремиться им следовать. Так что это правило отнюдь не анахронизм. Это тот идеал, который всегда остается целью. И хотя эта цель, возможно, никогда не будет достигнута, но мы всегда должны помнить ту истину, которую высказал апостол Павел: «Подобны мне бывайте, якоже аз Христу».

Когда нужно поставить точку

Из книги Ивана Александровича Ильина «О сопротивлении злу силой».

Фрагменты главы «О границах любви»

Духовная любовь есть не только религиозная преданность, но в основе своей она есть, прежде всего, зрячий, живой, предметный выбор. Если разуметь любовь не в смысле сентиментального, беспредметного умиления, а в ее предметной определенности и функциональной полноте, во всей полноте живого одобрения, сочувствия, содействия, общения – вплоть до художественного отождествления с любимым предметом, то ясно, что невозможно реально любить *все* (например, и воспринятое, и невоспринятое) или *все наравне* (например, и близкое, и далекое, и Божественное, и небожественное); во всяком случае, человеку, пока он человек, это не доступно. Тот из людей, кто говорит, что «любит» «все»

или «все без различия», тот или ошибается в самопознании, или в действительности не любит ничего и никого. Любовь как психическая сила совсем и не способна к такому беспредметному растяжению; любовь как духовное состояние совсем и не призвана к этому. Конечно, если под любовью разуметь только благожелательство, а под благом духовное усовершенствование (т.е. победу добра над злом), то религиозно прозревший человек желает блага всем и постольку любит всех, ибо простая наличность зла уже вызывает в нем страдание и отвращение и заставляет его искренне благожелательствовать. Но если понимать любовь во всей ее полноте как *отождествляющуюся единение и творческое приятие*, то такой

человек не может любить ни всех, ни всех одинаково; да и не ставит перед собой такую задачу.

< ... >

Есть мудрая христианская легенда об отшельнике, который долгое время побеждал диавола во всех его видах и во всех, исходивших от него искушениях, пока, наконец, враг не постучался к нему в его уединище в образе раненого, страдающего ворона; и тогда слепое, сентиментальное сострадание победило в душе отшельника, ворон был впущен, и монах оказался во власти диавола... Именно этой сентиментальной любви, проистекающей из слабости и имеющей значение соблазна, духовная зрелость и духовная воля полагают предел; они заставляют человека установить

верную грань для своей неразборчивой и беспринципной чувствительности и обращают его прозревающее око к водительным образам Архангела Михаила и Георгия Победоносца.

Напрасно было бы ссылаться здесь в виде возражения на заповеди Христа, учившего *любить врагов и прощать обиды*. Такая ссылка свидетельствовала бы только о недостаточной вдумчивости ссылающегося.

Призывая любить врагов, Христос имел в виду *личных* врагов самого человека, его собственных ненавистников и гонителей, которым обиженный, естественно, может простить и *не* простить. Христос никогда не призывал любить врагов *Божьих*, благословлять, кто ненавидит и попирает все Божественное, содействовать кощунствующим совратителям, любовно сочувствовать одержимым растлителям душ, умиляться на них и всячески заботиться о том, чтобы кто-нибудь, воспротивившись, не помещал их злодейству. Напротив, для таких людей, и даже для несравненно менее виновных, Он имел и огненное слово обличения, и угрозу суровым возмездием, и изгоняющий бич, и грядущие *вечные* муки. Поэтому христианин, стремящийся быть верным слову и духу своего Учителя, совсем не призван к тому, чтобы противоестественно вынуждать у своей души чувства нежности и умиления к нераскаянному злодею как таковому; он не может также видеть в этой заповеди ни основания, ни предлога для уклонения от оспротивления злодеям. Ему необходимо только понять, что настоящее, религиозное сопротивление злодеям ведет с ними борьбу именно *не как с личными врагами, а как с врагами дела Божия на земле*; так что чем меньше *личной* вражды в душе сопротивляющегося и чем более он внутренне простил своих личных врагов – всех вообще и особенно тех, с кем ведет борьбу, – тем эта борьба его будет, при всей ее необходимой суровости, достойнее и жизненно целесообразнее.

Это относится всецело и к заповеди о *прощении обид*. Согласно этой заповеди, человек имеет призвание прощать своим обидчикам наносимые ему личные обиды (ср.: *сколько раз* прощать брату моему, согрешающему против меня? (Мф. 18:21); *если семь раз в день согрешишь против тебя...* (Лк. 17:3–4);

должен был ему сто динариев... (Мф. 18:28)). При этом размеры прощающей доброты и терпеливости должны быть поистине бесконечны (Мф. 18:22).

< ... >

Сопротивляющийся злу должен прощать личные обиды; и чем искреннее и полнее это прощение, тем более проотививший способен вести неличную, предметную борьбу со злодеем, тем более он призван быть органом живого добра, не мстящим, а понуждающим и пресекающим. Но в душе его не должно быть места наивным и сентиментальным иллюзиям, будто зло в злодее побеждено в тот момент, когда он лично простил его. Прощение есть *первое условие* борьбы со злом или, если угодно, *начало ее*, но не конец и не победа. Поскольку для этой великой борьбы со злом необходимо иметь не менее *нежели двенадцать легионов ангелов* (Мф. 26:53); и настоящий злодей, пока не увидит этих легионов, всегда будет усматривать в «прощении» прямое поощрение, а может быть, и тайное сочувствие.

Именно в этой связи следует понимать Евангельские слова *не противься злу* (Мф. 5:39). Правило, заключающееся в них, определительно разъяснено последующими словами – в смысле *кроткого перенесения личных обид* (Кто ударит тебя в правую щеку твою (Мф. 5:39; Лк. 6:29)), а также щедрой отдачи *личного* имущества (Взять у тебя рубашку (Мф. 5:40, 42; Лк. 6:29, 38), Просящему у тебя... взявшего твое (Лк. 6:30)) и *личных*

услуг (И кто принудит тебя идти с ним (Мф. 5:41)). Истолковывать этот призыв к кротости и щедрости в личных делах как призыв к безвольному созерцанию насилий и несправедливостей или к подчинению злодеям в вопросах добра и духа было бы противосмысленно и противоестественно. Разве предать слабого злодею – значит проявить кротость? Или человек волен подставлять нападающему и *чужую* щеку? Разве щедрость не распространяется на свое, личное? Или растративший общественное достояние и отдавший своего брата в рабство – тоже проявил «щедрость»? Или предоставлять злодеям свободу надругиваться над храмами, насаждать безбожие и губить родину – значит быть кротким и щедрым? И Христос призывал к *такой* кротости и к *такой* щедрости, которые равносильны лицемерной праведности и соучастию со злодеями? Учение апостолов и Отцов Церкви выдвинуло, конечно, совершенно иное понимание. «Божии слуги» нуждаются в мече и «не напрасно носят его» (Рим. 13:4); они – гроза злодеям. И именно в духе этого понимания учил св. Феодосий Печерский, говоря: «живите мирно не только с друзьями, но и с врагами; однако только со своими врагами, а не с врагами Божиими».

Так, начало духа *ограничивает* действие любви и в ее непосредственном, наивном разливе. Понятно, что это ограничение неизбежно ведет за собою и видоизменение ее духовного строения и облика.

Будьте, как дети (см.: Мф. 18:3)

Скажите, пожалуйста...

 Вот что ответили нашему корреспонденту Ларисе Беляевой на ее вопросы...	Татьяна Васильевна, 63 года, пенсионерка	Елена, 36 лет, домохозяйка	Артём, 30 лет, интернет-маркетолог	Татьяна, 45 лет, преподаватель	Варвара, 10 лет, школьница	Сергей, 56 лет, специалист по информационным системам	Мария, 27 лет, инспектор отдела кадров
						(фотографироваться отказался)	
Что вам труднее: простить или попросить прощения?	Раньше попросить прощения было труднее, а сейчас, наверное, одинаково – простить и попросить прощения.	Иногда легче простить, а иногда попросить прощения. От ситуации зависит. Измену труднее простить, чем просить прощения, но иногда просить прощения сложнее.	Просить прощения труднее.	Наверное, простить труднее.	Наверное, легче простить, чем попросить прощения. Потому что простить просто, а сказать: «Прости» – как-то до конца надо идти.	Просить прощения, наверное, трудней.	Мне, наверное, все-таки труднее простить.
Какую обиду вы не могли бы простить?	Может быть, предательство, когда предают в трудную минуту, хотя прощать нужно.	Наверное, любую могу простить.	Измена, предательство.	Надеюсь, что смогла бы простить любую. Я надеюсь. Всякое бывает.	Наверное, у всех по-разному. Простить надо все обиды. Любая обида может либо затронуть сердце, либо пройти.	Предательство. Хотя простить надо все, это борьба с самим собой.	Предательство неоднократное.
Что важнее для вас: мир и согласие или утверждение своей правоты?	Конечно, мир и согласие.	Это зависит от ситуации. Когда от этого зависит вера в Бога, здоровье детей, здесь важнее утверждение правоты. А если это какая-то не важная вещь, то, конечно, мир и согласие.	Мир и согласие.	Мир и согласие, конечно. Если по Серафиму Саровскому: стяжите дух мирный – и все вокруг тебя будет в мире и согласии.	Наверное, важнее мир, потому что если ты хочешь, чтобы согласились с твоим мнением, и ты врал другому человеку, он никогда не согласится с тобой.	Мир и согласие, конечно.	Я не знаю, что здесь ответить. Если быть искренней, то мне, кажется, то и то, и хочется в мире утвердить свою правоту.
Расставьте слова <i>хочу, могу, должен</i> по их важности для вас.	Скорее всего: <i>должен, могу, хочу</i> , потому что иногда не могу, а должна.	Первое – <i>должен</i> , потом <i>хочу</i> , потом <i>могу</i> .	<i>Должен, могу, хочу</i> .	Хотелось бы, чтобы сначала было <i>должен</i> , хотя реально часто бывает – <i>хочу</i> , а <i>могу</i> уже в последнюю очередь.	Сначала <i>должен</i> , потом <i>могу</i> , затем <i>хочу</i> .	<i>Могу</i> я спереди поставлю, а затем <i>должен, хочу</i> .	<i>Могу</i> и <i>должен</i> , потом <i>хочу</i> .
Часто ли вы сожалели о том, что кому-то в чем-то уступили?	Были моменты, но если прощаешь, то сожаления уже не будет.	Нет, не жалела.	Нет, не часто.	Бывало.	Не часто, потому что можно уступать, делать что-то хорошее, немножко возвышаться по ступеньке.	Это сложный вопрос. Я сразу не могу припомнить, чтобы я сожалела, что кому-то уступил. В основном это вопрос внутрисемейный, потому что постоянно приходится выбирать, в каких-то житейских ситуациях решать проблемы, которые постоянно в жизни возникают, – кто должен уступить: муж или жена, и кто об этом будет сожалеть.	Нет, не сожалела никогда.
Вы скорее уступчивы или настойчивы?	Я очень сильная по характеру и была очень настойчива, сейчас понимаешь, что надо уступать.	По характеру я скорее настойчива, чем уступчива.	Скорее, уступчив.	По-разному, бывает и так, и так. Где-то уступчива, где-то настойчива, чаще не там, где надо.	Бывает по-разному, иногда – уступчивой, иногда – настойчивой, смотря в каких ситуациях.	Я уступчив всегда, даже излишне. В некоторых вопросах настойчивость граничит с упрямством.	Я думаю, что скорее уступчивая, чем настойчивая.

Пастырь человеколюбия

Светлой живой памяти отца Павла Адельгейма

5 августа 2013 года, вечером, в своем доме на тихой улице Красногорской в Пскове, у самого берега реки Псковы, был убит отец Павел Адельгейм. За три дня до того он пустил в дом молодого и, возможно, психически нездорового человека из Москвы по просьбе его бывшей возлюбленной – она верила в то, что сила чудодейственного слова о. Павла вернет несчастному юноше здоровье. В минуту душевного помрачения, слушая рассказ о страданиях евангелиста Луки, гость набросился на о. Павла с ножом и убил его. Так, на четвертый день после 75-летнего юбилея, завершился земной путь священнослужителя о. Павла Адельгейма, сына страшного XX века, пережившего и пересилившего этот век и погибшего от руки нечаянного паломника, которому он открыл двери в свой дом, желая его спасти. Протянув руку помощи своему будущему убийце, отец Павел не сделал ничего для себя необычного, он сделал естественное для себя движение – навстречу страдающему человеку.

Отец Павел был открыт миру. Он не боялся людей. Из всего пережитого – расстрела репрессированного отца, собственного осуждения и заключения в колонию, ссылки, физических ударов и моральных испытаний он вышел сильным и бесстрашным.

«Мы так и думали, что нас могут посадить и мы будем как остальные, как все порядочные люди. Нет, желания такого, конечно, не было, просто мы должны были быть к этому готовы в любой момент, – что нас и посадят, и расстреляют, и все что угодно сделают. Мы ничем не были защищены».

Он не боялся за себя и свою жизнь.

Он был готов к смерти как верующий человек и не страшился ее прихода.

Конечно, он не ждал ее именно такой, какой она пришла к нему.

Но ежедневная готовность к смерти предполагает все.

Больше не войдет сюда отец Павел, не приклонит голову на несколько коротких часов? Не верится!

ховное заблуждение человека, который не понимает, что значит покаяние. Кто приносит покаяние, не должен возвращаться к прежним

Отец Павел был пастырем человеколюбия.

В этой любви – загадка и разгадка его титанического духа и сократовского интеллекта, силы его богословия.

Любовь к человеку, каким бы он ни был, – истинно христианская любовь – сделала отца Павла духовным отцом тысяч людей.

Эти тысячи и тысячи людей стали его всемирным приходом, границы которого определяются только пространством человеческого общения.

Он утолял жажду своих собеседников в слове разума, духа и совести.

«Покаяться человеку непросто. Иногда говорят: “Подумаешь, согрешил! Поди покайся и забудь”. Это ду-

ховное заблуждение человека, который не понимает, что значит покаяние. Кто приносит покаяние, не должен возвращаться к прежним

грехам. Он начинает жить новой жизнью. Пережитое покаяние, переоценка внутреннего содержания не остается без плода. Покаяние меняет человека. Это происходит не сразу. Человек меняется постепенно. Грех – хроническая болезнь, и его власть над человеком преодолевается во времени. Это и есть крест покаяния и преобразования».

Он был свободным человеком – настолько свободным, насколько свободна сама душа, наш внутренний ангел.

Это его безупречное чувство свободы изумляло, ошеломляло, потрясало и воодушевляло людей.

И это абсолютно бескомпромиссное чувство свободы сформировало и другую аудиторию отца Павла – аудиторию тех, кто не принимал его, страшился, даже ненавидел.

Отец Павел был этим людям ежедневным живым укором – только то, что он есть такой, делало их жизнь невыносимой, почти напрасной. И этого ему не могли простить.

А он – мученик – прощал. Прощал своих палачей, мучителей, недоброжелателей.

Этим прощением он оставлял им шанс на прозрение и раскаяние. Шанс на искупление грехов, шанс на свободную жизнь.

В этом всепрощении – тоже его любовь к людям.

«Как невозможно принудить к вере, надежде, любви, – невозможно принудить и к прощению. Подвиг прощения совершает свободный и сильный дух. Прощая искренне, человек сознательно приносит себя в жертву».

Он был истый гражданин России. Он считал своим долгом публично высказывать свое мнение о государстве и власти, и его мнение о происходящем с несчастной и нераскаявшейся Родиной слышали все, у кого болит сердце за родную страну.

«На место законов нравственных приходят законы прагматические, на место совести пришла целесообразность. Позиция архиерея становится циничной. В основе церковного устройства веками лежала нравственная идея, а принцип целесообразности разрушает духовную и нравственную жизнь. Его сформулировал архиерей Каиафа: “Лучше нам, если один человек умрет за людей, а не весь народ погибнет” (Ин. 11:50). Во исполнение

этого принципа предан и распят Христос. В истории он запечатлен формулой “Цель оправдывает средства”. ...В круженье времени и бытовых забот важно не потерять жизненную цель и не спутать цель со средствами ее достижения.

Цель – это главное, а средства – второстепенное. Цель не оправдывает средства. Достойная цель не достигается недостойными средствами. Достойной цели нужны достойные средства. Как только целью оправдывают средства, происходит подмена: средства ставят на место цели.

Второстепенное становится на место главного, а главное выпадает из перспективы и утрачивает свое значение. Второстепенное, поставленное на место главного, лишается подлинного смысла. Потому так важно различать и не спутать цель, задачу

и средства, необходимые для достижения цели.

Священное Писание разными словами называет цель христианской жизни. Христос называет ее Царством Божиим: “Ищите прежде Царства Божия и правды его”».

Он свято верил в силу пастырского слова.

Эта вера произрастала из его веры в Бога, дело которого – слово.

Этим словом – проповедью – он владел свободно, она рождалась на глазах изумленных слушателей из гармоничного союза его души и разума.

«Царство Божие начинается не за горизонтом земной жизни. Царство Божие начинается на земле подвигом несения креста. Царство Божие завершает путь, который проходит христианин с терпением и любовью по земле, чтобы “принять венец жизни, который приготовил Бог любящим Его”».

Вся его жизнь была – его проповедь.

Отец Павел жил, как проповедовал.

Это пожизненное единство слова и дела – удел немногих избранных – и есть его подвиг, его урок, его знак всем слышащим, видящим, мыслящим.

На этом единстве слова и дела держится сила его прихода, мощь его храма.

Это единство – не думая об этом – он доказал своей мученической смертью. Не опровергнув, но подтвердив свои духовные устои.

У этой проповеди нет и не может быть окончания, потому что слово, рожденное усилием чистой души, – как и сама душа, – бессмертно.

Лев Шлосберг специально для «Лампады», фотографии автора

г. Псков

Московский след крымских Гаврасов

С некоторых пор храм иконы Божией Матери «Знамение», что в Ховрине, вызывает у меня особые, дополнительные чувства. Особые – потому что я с удовольствием сотрудничаю в «Лампаде», журнале, который выпускается этим храмом. А дополнительные – по причине того, что Ховрино оказалось связанным с древним крымским княжеским родом, о чем я узнал в своей недавней поездке на этот легендарный полуостров.

В памяти православного люда и русских патриотов уходящий 2013 год занимает заметное место: 1025 лет назад произошло Крещение Руси и 230 лет исполнилось присоединению Крыма к Российской Империи. В связи с последним событием светлейший князь Григорий Александрович Потемкин направил императрице Екатерине II донесение: «Какой государь составил столь блестящую эпоху, как Вы. Не один тут блеск. Польза еще большая. Земли, на которые Александр и Помпей, так сказать, лишь поглядели, те Вы привязали к скипетру российскому; а таврический Херсон – источник нашего

христианства, а потому и людскости, уже в объятиях своей дщери».

Более трехсот лет Крым, колыбель русского Православия, находился под властью Османской империи. Три долгих века понадобилось России для восстановления исторической правды, для возрождения православной Тавриды. Многие знаменитые и неизвестные представители православных народов стали переезжать из Крыма в Москву. Они поступали на государеву службу, строили храмы, благоустраивали монастыри. (Тогда еще не знали так не свойственного русскому уху слова «понаехали»).

Среди «новых москвичей» той поры появился и знатный византийский род Гаврасов.

Издавна Гаврасы управляли православным греческим княжеством в юго-западной части крымского полуострова. Это относительно небольшое государство занима-

ло территорию юго-западного Крыма и большую часть побережья, прилегавшего к нему. Во владениях князей Феодоро находилось около 30 тысяч домов, из чего можно предположить, что население княжества составляло 200–250 тысяч человек. Официальным языком княжества Феодоро, о чем можно судить по немногочисленным сохранившимся надписям, был греческий. Его граждане исповедовали православное христианство.

Великое Московское княжество стремительно набирало политический вес и военную мощь, и граждане государства Феодоро стали проявлять к нему интерес. Наиболее решительные и предприимчивые представители аристократии отправились на Русь. Известность среди них приобрел Стефан Васильевич Гаврас. В русифицированной версии его фамилия стала звучать почти по-русски – Ховра, или Ховрин.

На московской земле Гаврасы положили начало известному роду Ховриных-Головиных, представители которого на протяжении многих веков на разных поприщах верой и правдой служили России.

В «Бархатной книге» 1687 года (родословная знатных русских семей) сообщается, что князь Стефан Васильевич приехал к великому князю Василию Дмитриевичу в 1399 году вместе с сыном Григорием из «вотчины из Судака, да из Кафы, да из Мангупа». Позднее Стефан принял монашество под именем Симон, а сын его, Григорий Ховра, сыграл важную роль в строительстве Симонова монастыря. Григорий Ховра и его жена Агриппина финансировали строитель-

ство первого каменного собора (1379–1405 годы). Известно, что обитель была связана с родом Ховриных-Головиных (Гаврасов) на протяжении почти трехсот лет. Они отдавали обители свои вотчины, жертвовали большие деньги, сделали на монастырском кладбище родовую усыпальницу.

В 1453 году пала Византийская империя. 29 мая, после почти двухмесячной осады, был взят Константинополь. Император Константин XI погиб с оружием в руках, защищая свой народ и свою столицу. Предчувствуя беду, Константин Гаврас покинул княжество Феодоро и примкнул ко двору греческой принцессы Софьи Палеолог. В 1472 году племянница последнего византийского императора отправилась в Москву, чтобы вступить в брак с великим князем Иваном III. В составе, как теперь сказали бы, высокой делегации оказался и Константин. Отметим, что к моменту прибытия греческой невесты в Москву в ней уже около 70 лет проживали потомки князя Стефана Васильевича Гавраса (Ховрина).

Третий из Гаврасов – предусмотрительный Константин – появился в Москве за три года до падения княжества Феодоро. Как известно историкам, Иван III предлагал ему службу, немалые вотчины, но бывший мангупский князь отказался и от того, и от другого. В Москве он познакомился с архиепископом Ростовским Иоасафом (Оболенским) и совершил вместе с ним паломничество в Ростов Великий. С этого момента линия

жизни Константина Гавраса начинает менять направление.

Когда в 1489 году архиепископ Иоасаф, решив отказаться от управления Ростовской епархией, удалился в Ферапонтов Белозерский монастырь, вместе с ним туда отправился и Константин Гаврас. Богобоязненный, непритязательный и молчаливый князь поселяется в одной из келий, проводя все время в молитвах. Долгое время он отказывается принять монашеский постриг, вероятно, почитая себя недостойным ангельского чина. Но однажды...

Предание сохранило удивительный рассказ об этом событии. Однажды Константину привиделся страшный сон. Он проснулся и стал звать своего келейника Ферапонта. Но, объятый ужасом, не смог сказать ему толком ни слова. Келейник сообщил об этом владыке Иоасафу и игумену. И только после того, как архиепископ сотворил над князем молитву, тот обрел дар речи. «Видел я каменную церковь, большую и прекрасную; в ней было множество монахов, а посреди церкви на престоле сидел преподобный Мартиниан, бывший игумен здешнего монастыря, с большим жезлом в руке. “Постригись”, – говорил мне Мартиниан. “Не постригусь”, – отвечал я ему. Тогда преподобный опять повторил мне: “Постригись; если же не пострижешься, я прибую тебя этим жезлом”. Но я не согласился исполнить приказание святого и долго с ним спорил. Преподобный поднял свой жезл и хотел ударить меня им. От страха я закричал и проснулся. Душа

моя в смятении. Постригите меня в святой иноческий образ». Так князь Конастантин из рода Гаврасов превратился в инока Кассиана, впоследствии святого преподобного, Угличского чудотворца.

Через несколько лет после пострига Кассиан на лодке отправляется в плавание по Волге и близ устья впадающей в Волгу реки Учмы, около города Углича вместе с братьями-монахами строит несколько келий, где и остается жить. Неторопливо, в трудах и молитвах, текут годы.

Слава о преподобном широко распространилась, и «начали мнози люди приходить благословения ради и видети пустынно-людное жителство и беседовати с ним». Святой Кассиан всех принимал с любовью, наставляя на путь спасения «тихими словесы».

В Угличской летописи записано много чудес, происшедших по молитвам преподобного, в частности, защита им своей обители от польских воинов в 1609–1611 годах. Есть немало иных свидетельств помощи святого тем, кто с верой обращался к нему. Это и избавление от болезней, и охрана и покровительство от посягательств лихоимцев, и научения преступающим Божии заповеди. К сожалению, записываться чудеса, исходившие от святого, стали только с XVII века.

Преподобный Кассиан, Угличский чудотворец, прежде князь крымского государства Феодоро Константин Гаврас, скончался в глубокой старости 2/15 октября 1504 года. Память его празднуется еще и 21 мая / 2 июня, в день тезоименитства.

Остатки цитадели княжества Феодоро на горе Мангуп

Храм святого благоверного князя Александра Невского в Ялте

Преподобный Кассиан, Угличский чудотворец, из княжеского рода Гаврасов

Симонов монастырь в Москве

Свт. Спиридон Тримифунтский

Один купец, для оборота в торговле часто у святого Спиридона занимывал деньги; когда же, возвращаясь от купли, приносил ему долг свой, святой старец обыкновенно приказывал ему, чтобы сам положил в ковчег, из которого взял. Не уважая временного стяжания, он не любопытствовал, все ли заимодавец отдает ему деньги. Многократно купец, с позволения святого, брал и отдавал золото; и — Господь благословлял его торговлю. Но однажды, соблазнившись, не положил денег в ковчег и, обманув святого Спиридона, удержал у себя... Что же вышло? Купец вскоре обнищал; ибо утаенное золото не только не принесло ему прибыли, но как огонь пошло и его имение. В сей крайности купец опять пришел к преподобному Спиридону и просил у него взаим злата. Святой по обыкновению послал его в свою спальню, чтобы взял из ковчега сам — но как купец ничего не положил, то и взять было нечего. Возвратившись с пустыми руками, объявил он святому Спиридону, что в ковчеге золота нет... «Кроме твоей руки, доселе ничьей в ковчеге не было, — спокойно отвечал ему святой старец, — если бы ты положил тогда деньги, то бы теперь опять взял их; роптать не на кого, сам виноват». Пораженный стыдом, купец пал к ногам Спиридона. Святой старец немедленно простил его; но отпустил в дом — уже не с деньгами; ибо не имел их: а только с убедительным наставлением, впредь не осквернять совести своей лестью и обманом.

Эта простая, как правда, история воспроизведена по тексту книги «Училище благочестия, или Примеры христианских добродетелей, выбранные из Житий Святых», четвертое издание пятой и шестой глав. Называется он: «Хищничество не обогащает, но паче разоряет». Книга издана в Санкт-Петербурге в 1824 году с дозволения Святейшего Синода, ее содержание рассмотрено Цензурным комитетом, учрежденным при Санкт-Петербургской Духовной академии. Принадлежала она библиотеке Пензенской гимназии, в числе других книг библиотеки в 1970-е годы поступила в музей В.Г. Белинского в городе Белинский Пензенской области. Пожелтевшие от времени страницы в кожаном потертом переплете хранят много подобных бесхитростных историй-назиданий, примеров из жизни святых старцев, следуя которым, люди в самом деле без труда могли бы жить чистой, добропорядочной христианской жизнью. Но, увы, не все, что, казалось бы, легко достижимо, на самом деле оказывается для многих недоступным, и только по их нежеланию.

В фондах музея В.Г. Белинского есть немало предметов, связанных с религиозной культурой. Это метрические книги местных церквей, иконы, предметы религиозного культа, фотографии священнослужителей, обширная литература. Но эта книга нам особенно дорога. Во-первых, это редкое издание; во-вторых, ее мог держать в руках и читать юный Виссарион Белинский, поступивший в 1825 году в Пензенскую гимназию.

Т.В. Шалыганова,
заведующая сектором фондов музея-усадьбы В.Г. Белинского

Где просто — там ангелов со сто Слова Оптинского старца Амвросия — ключ к праведной жизни

Храм святителя Спиридона в городе Керкира на острове Корфу, где покоятся его нетленные мощи

Святители Спиридон Тримифунтский и Григорий Палама. В правой руке Спиридона кирпич, из которого вверх поднимается пламя, а вниз стекает вода. Так святой символизировал на Первом вселенском соборе единство Святой Троицы, вместе со святителем Николаем Чудотворцем восставая против ереси Ария

Борис Сумашедов

Окруженный Россией Восемьдесят лет необыкновенному Дому в Сербии

Божественную литургию в домовой церкви служит владыка Анастасий (Грибановский), будущий глава РПЦЗ. 1940-е годы. (РФК)

Помните пушкинскую «Сказку о царе Салтане»? Оклеветанные жена и сын государя, брошенные в бочке «в бездну вод», чудом спаслись на неведомом острове Буяне. Таким же берегом спасения оказалась для тысяч русских беженцев сербская земля, укрывшая их от пламени гражданской войны в России.

Сербь, хорваты и словенцы только что получили независимость после распада Австро-Венгерской империи, так что до процветания там было далеко. Но беженцы надеялись, даже верили: им не откажут в приюте в братском государстве такие же, как они, славяне, люди православные, исстари называвшие великую страну на востоке матерью-Русью. Она ведь не раз приходила на помощь к своим сыновьям по крови и вере.

В самом начале Первой мировой войны, 16 июля 1914 года, когда немцы жестоко обстреляли Белград, уже через четыре дня здесь вступила в сражение присланная императором Николаем II «Экспедиция особого назначения». Десятки тысяч российских солдат и офицеров дрались в войне на Балканах на стороне сербов. Об этом напоминает некрополь нашим соотечественникам, сооруженный русской общиной при поддержке короля южных славян Александра I Карагеор-

гиевича. Так удивляться ли тому, что в небольшой балканской стране обрели кров более сорока тысяч беженцев, прибывших сюда из портов Крыма, из Константинополя и даже из Владивостока?!

Лишь малая их часть позже переберется дальше на запад, но тридцать тысяч осядут, получают жилье, работу и даже материальную помощь от государства. За этим лично следил король Александр. Он распорядился создать Державную комиссию по русским беженцам и предложил выдающемуся сербскому ученому, академику Александру Беличу, ее возглавить. Его стали называть даже «Русским батькой». Вскоре нашла поддержку и идея построить Русский дом — центр культуры и просвещения. И вновь помогли средства из казны королевства, которое к тому времени уже стало называться Югославией.

Отдельная страница нашей совместной истории — духовная поддержка, ко-

торую оказывала рука об руку с Сербской Церковью Русская Православная Церковь Заграницей, обосновавшаяся в этой же славянской стране. Первым председателем ее Архиерейского Синода стал тоже беженец, блаженнейший Антоний (Храповицкий), митрополит Киевский и Галицкий.

Так стало возможным всего за два года выстроить тот самый Русский дом — величественное здание в стиле ампира. Автор проекта — Василий Федорович Баумгартен, талантливый военный инженер и архитектор, один из строителей крепости Владивосток, служивший в Белой армии генерала Кутепова в чине генерал-майора. К весне 1933 года белоснежное здание в центре Белграда было готово распахнуть двери. Как большого праздника тысячи беженцев ждали дня его открытия. Они знали, что хотя этот дом будет носить светский характер, все в нем должно освещаться светом Православия. Так и произошло.

Какие бы бури ни бушевали в многострадальной Югославии, как бы ее ни рвали на части, Русский дом, пусть с потерями, но сохранился до наших дней. И ныне его двери всегда распахнуты. Потому что построен он, как в Священном Писании сказано (см. Мф. 7:24, 25), не на песке, но на камне. На камне православной веры; на камне надежды, что Родина всегда останется в сердцах тех, кто когда-то вынужденно покинул ее, в сердцах их детей и внуков; на камне любви к земле, где они родились, и к приютившей их стране, где по сию пору живут их потомки.

...Весной 1933 года наступил день открытия Русского дома. Торжественное освящение. Служит протоиерей Петр Деловитов. Среди гостей члены семьи сербского короля — княгиня Ольга, князь Павел, княжны Елизавета и Марина, — митрополит Сурожский Антоний, академик Александр Белич, члены правительства, духовенство. Звучит «Боже, царя храни!». Официально Дому присвоено имя императора Николая II. А вскоре его начинают называть «русский угол». И в этом был

немалый смысл. Угол – ведь это не только прибежище, но место, где тебе безопасно и уютно. Эта мысль приходит в голову, когда читаешь у известного ученого, слависта В.И. Косика, что в Сербии осели цвет русской интеллигенции – научной, технической и творческой, масса боевых офицеров и люди «в солдатских рубашках». Тон задавали представители древних родов: Мусины-Пушкины, Голицыны, Трубецкие, Раевские, Третьяковы, Волконские...

Что ощущалось в атмосфере Русского дома той поры? Покинувшие родину, они хотели жить и общаться так же, как в прежней жизни. Сохранить свое первородство, обычаи, привычки. Свое достоинство и статус. И это им большей частью удавалось. Для них было естественно высказывать открыто свои мнения, взгляды, совсем не думая и не боясь, что за это подвергнут остракизму или придется поплатиться. О том, что в покинутой стране все куда иначе, русские в Сербии знали лишь по слухам да газетным статьям. А иные просто не хотели в это верить...

Некоторые беженцы поддерживали убежденного монархиста митрополита Антония. И разделяли его идею, если «большевики падут», избрать на российский престол сербского короля. За всегдтай Русского дома, писатель и издатель Василий Иванович Немирович-Данченко, брат оставшегося в Москве

одного из основателей Художественного театра, прямо сказал при встрече с Александром I: «Если бы вы стояли во главе России, то у нас бы революции не случилось».

Однако так думали далеко не все. Многие считали, что прежняя Россия погибла навсегда и надо служить новой родине. «Накапливать культурные силы и уповать на волю Божию». Поэтому Православие, культура и образование здесь постоянно находились в центре внимания. Желанными гостями были священники, без которых не проходило ни одно событие. А их хватало, и веселых, и грустных...

Неземным светом горели глаза детей и подростков, когда открывали в Доме начальные школы для мальчиков и девочек, мужскую и женскую гимназии. Учащиеся получили свою домовую церковь с настоящим иконостасом, службами – какое блаженство и радость для родителей и их отпрысков! Гордостью Дома стала библиотека, часто книги ей просто дарили. Вот где молодежь училась любить родной язык и русскую классику, а взрослые – сохранять эту любовь. К сожалению, в годы Второй мировой войны многое в Русском доме пропало, в том числе и почти все собрание книг, среди которых было немало уникальных.

Встречи с жившими в Сербии учеными, чьи имена были широко известны еще в Российской империи, были, можно сказать, частью повсед-

Гимназистки седьмого класса на ступеньках Русского дома в Белграде. 1943 г. (РФК)

невной жизни Дома. Это филолог и славист А.Л. Погодин, историки общественной мысли, церкви и права А.П. Доброклонский, Е.В. Спекторский и С.Н. Смирнов, автор исследования «Сербские святые в русских летописях», крупные специалисты в медицине и инженерии, юриспруденции и в общественных, гуманитарных науках. Особым вниманием были окружены служители искусства – в Белграде с успехом работали русские труппы. Пользовались популярностью и мастера легких жанров, и серьезные музыканты, певцы, солисты балета... Естественно, большой зал Дома бывал переполнен, когда приезжали и выступали те, чьи имена гремели во всем мире, будь то Федор Шаляпин, или философ Иван Ильин, либо же один из лидеров Белого движения Антон Иванович Деникин.

Чествование в 1936 году митрополита Антония, посвященное 50-летию его служения, – заметное событие в истории Дома. Присутствовал цвет зарубежной церкви. На фотоснимке, сделанном в тот день, владыка запечатлен рядом со своим преемником, архиепископом Кишиневским и Хотинским Анастасием (Грибановским) и Святей-

шим патриархом Сербской Православной церкви Варнавой (Петар Росич).

Самой активной частью русских семейств в тридцатые годы были, как, впрочем, и всюду, дети. По примеру родителей, они считали долгом «помочь русскому народу в борьбе с коммунизмом». Возникла массовая молодежная организация «Русские соколы». Юноши и девушки активно занимались спортом, ходили в походы, учились водить машины и катера, летать на планерах, да и военное дело изучали... Над входом в гимнастический зал в Русском доме, который все называли «Сокольной», был начертан лозунг: «Силен свободным повиновением». А один из их учителей, полковник В.М. Пронин, писал о сокольническом движении: «Это идея национальной государственности, жертвенности и дисциплины». Гимн юных соколов заканчивался так: «В мыслях Родина святая, / Силы, братья, ей вдохнем. / С нами Бог! Врагов сменяя, / За славянство мы умрем!». Но здесь молодые люди и весело дышали, пели хором, танцевали, музицировали, сочиняли стихи, проводили веселые вечеринки... Это было и место свиданий, первых поцелуев, венчаний...

То, что исход русских в Сербию изначально определялся политическим вектором, отразилось на всей их последующей жизни. Молодежь росла «заостренной» на политике и образовала «Союз младороссов». Их поддерживали великий князь Кирилл Владимирович, светлейший князь Леонид Ливен, князь Дмитрий Романов, граф Юрий Мусин-Пушкин, барон Федор Мейендорф. В 1935 году Союз даже преобразовался в партию. Чего только не было намешано в их декларациях!.. Мечтали об установлении в России нового строя на началах «национализма, социальности и монархизма». Но были и здравые идеи. Так, первый пункт их «программы-минимум» гласил: «Ликвидация гонений на Веру, провозглашение права свободы совести».

Но идеи идеями, а проза жизни заявляла о себе, и порой не самыми ласковыми словами. Так, известного в Белграде богослова, профессора Михаила Георгиевского югославские партизаны арестовали и передали в советский

СМЕРШ. Его отвезли в Москву и там расстреляли. Один из генералов Добровольческой армии М.Ф. Скородумов в новую мировую войну опять взялся за оружие. В 41-м сформировал Русский корпус, чтобы защитить бывших «белогвардейцев» и их семьи, за кем стали охотиться партизаны-коммунисты. В первом приказе он писал: «С Божьей помощью при общем единодушии и выполнив наш долг в отношении приютившей нас страны, я приведу вас в Россию». Гестапо его арестовало, правда, генерал вышел из их лап живым... Вскоре снова, уже рядовым, продолжил воевать в своем корпусе. Но не в Россию «пришел», а вынужден был эмигрировать в Америку.

По-иному сложилась судьба графа Ильи Ильича Толстого, выпускника Императорского морского кадетского корпуса, внука нашего великого классика. Состоя в партии «политруком» (не удивляйтесь такому званию), он ратовал в одной из газетных статей за установление в России власти самодержавного царя и... Советов, которые бы «с низов выборные» доводили до самодержца «нужды, настроения, чаяния народа». Когда в конце Великой Отечественной войны в Белград вошла Красная армия, семья Толстых вернулась на родину. Илья Ильич стал преподавать в МГУ, издал в СССР первый сербско-хорватский словарь. Его сын Никита, родившийся в Сербии, в годы войны ушел в партизаны к Тито, в 1944 году добровольно вступил в ряды нашей армии и сражался до победы над фашистами. Он прожил в Москве долгую жизнь, стал знаменитым славистом, академиком.

А старейший хранитель памяти об истории русских в Сербии Андрей Витальевич Тарасьев, родившийся в Белграде в год открытия Русского дома, никуда не уехал. Он из третьего поколения беженцев, продолжатель священнического рода: сын протоиерея Русской Православной Церкви. Интересно, что священнослужители Тарасьевы, начиная с предшественника отца Иоанна, всегда были под омофором Московского Патриархата. В Сербии их даже называли «красными попами». Андрей Витальевич – доктор филологии, профессор Белградского университета. Но он и иподиакон в

православном храме, и регент. И еще председатель Общества сохранения памяти о русских в Сербии.

Я попросил Андрея Витальевича дать нам интервью. Он ответил через Интернет: «С удовольствием готов к контактам с вашим журналом. Но сейчас я страшно занят. Ведь я уже сорок лет руковожу хором славянской песни. Да и здоровье шалит. Мне в мае исполнилось восемьдесят. Храни вас Господь! С уважением, иподиакон Андрей».

Поздравляем Вас, высокоуважаемый Андрей Витальевич! Простите, что с опозданием. Как приятно, что эти два юбилея совпали – Ваш и Вашего любимого Русского дома.

А закончить рассказ хочется строками из стихотворения «Родина» Владимира Набокова, которые можно прямо отнести к судьбе белградского «русского угла»:

*Наш дом на чужбине случайно,
где мирен изгнанника сон,
как ветром, как морем, как тайной,
Россией всегда окружен.*

Редакция «Лампады» благодарит Дом русского зарубежья имени А.И. Солженицына и особенно – Татьяну Юрьевну Иринархову, а также Александра Блохнина за помощь в подготовке публикации.

Эти фотографии – с выставки, посвященной юбилею Русского дома. После Москвы ее отправили в Сербию, летом она открылась в Русском доме в Белграде, затем прошла и в других городах. Имела большой успех в братской стране.

СКРЕПЫ

Господь хочет, чтобы мы любили друг друга; в этом свобода – в любви к Богу и к ближнему.

В этом и свобода, и равенство.

Преподобный Силуан Афонский

Кадеты и «соколы» на улицах Белграда. Начало 1930-х гг. (РФК)

Путь к Богу – это непременно ежедневный труд

Монахиня Христина (Прокopenко) родилась в 1961 году в городе Паневежис (Литва). Там получила восьмилетнее образование и окончила художественную школу. Юность прошла в Пензе и Ленинграде, ныне в Санкт-Петербурге. После оформительского отделения Пензенского художественного училища продолжила образование в Мухинском художественно-промышленном училище Ленинграда на факультете керамики и стекла. 26 марта 1991 года приняла монашеский постриг, с этого времени живет в селе Ермолино. Прочитав последнюю фразу, многие наверняка зададутся вопросом: «В тридцать лет – и в монастырь?». Нужно сказать, это вообще интересует многих: кто и как приходит к вере, почему приходит, отчего одни находят дорогу к Богу, а другие – нет. Этих людей можно понять: тайна веры – великая тайна и для многих православных. Потому и я начала разговор с монахиней Христиной с очевидного вопроса.

Монахиня Софрония (Алексеева)

– Матушка, расскажи, пожалуйста, о своей дороге к храму.

– Мне было восемь лет, когда яшла у бабушки под подушкой Евангелие. В советское время она прятала его от всех, даже от своих дочерей. Не потому, что не доверяла, просто боялась, чтобы они не проболтались кому не следует. А «не следовало» тогда почти никому. Церковнославянского я, понятно, не знала, так что понимала далеко не все, но интуитивно чувствовала, что все написанное там – правда. Это было самое сильное впечатление тех лет, и оно не ослабело с годами. Христос стал для меня реальным человеком. Не могу сказать, что я тогда поверила в Бога, но ни на секунду не сомневалась, что Христос был реальной личностью, а не героем сказочного повествования. Я спрашивала у бабушки о непонятном для меня в Евангелии, она осторожно отвечала мне на своем, очень простом языке. Бабушка молилась и всегда уповала на волю Божию. Это я тоже чувствовала в детстве.

Юность у меня, как и у многих молодых людей, была наполнена духовными поисками. Мне были интересны искусство и философия. Я познакомилась с кругом единомышленников, студентов и преподавателей, мы проводили философские семинары. Меня стала больше привлекать религиозная философия, появилось много вопросов. Друзья посоветовали обратиться непосредственно к священнику.

Это были 80-е годы прошлого века. Я стала ездить по монастырям, и сам вид монахов и монахинь вызывал у меня благоговение. Именно это было тогда главным чувством, которое я испытывала в монастырях. Мне казалось, что монахи живут особой жизнью, и мне захотелось к ней приобщиться. Тогда я думала, что

это самый короткий путь к Богу, а может быть, и единственный.

– А почему ты приняла постриг именно в Ивановской епархии? Ведь родилась в Литве, училась в Пензе и Ленинграде.

– Среди моих друзей был человек, знакомый со священником, отцом Антонием. Мы приехали в Ермолино на Пасху, это была первая Пасха в моей жизни и первая исповедь. Батюшка очень вдохновенно служил пасхальную службу. В храме я ощутила что-то очень родное и близкое. Тепло шло и от клироса, и от прихожан – к каждому человеку. Бабушки стелили мне, светской девушке в брюках и берете, коврики, после службы пригласили попить чайку с куличами. Меня очень тронула их открытость и доброжелательность.

Но что особенно поразило – искренняя вера священника и его убежденность в Промысле Божиим. Мне захотелось, чтобы и моя вера укрепилась. В течение пяти лет я ездила к отцу Антонию на исповедь, он стал моим духовным отцом. В 1991 году я приняла постриг в храме Воскресения Словущего по благословению архиепископа Амвросия. В 1998 году в Ермолинской пустыни был образован мужской Воскресенский монастырь, где я и продолжаю свое послушание.

– Но, ступив на путь веры, ты не думала, что, возможно, оставишь свою профессию? Не жалела? Ведь ты с красками дружишь с детства.

– Мое первое соприкосновение с красками произошло года в четыре. Помню: папа, военный по профессии и самодеятельный художник, копирует натюрморт, я стою в тишине, едва доставая до стола, как замороженная. Вид красок, кисти, палитры, прозрачного, как янтарь, льняного масла, его запах вызывал во мне не

только интерес, но и желание овладеть этим искусством. В самом раннем детстве я срисовывала понравившиеся мне персонажи сказок и былин, уходила с головой в рисование. Я помню нарисованных мною Илью Муромца и русских былинных богатырей, Ивана-Царевича. Это, можно сказать, мои первые шаги в профессию.

– У тебя есть какие-то жанровые предпочтения? Что ты рисуешь с большим желанием?

– Пожалуй, портрет. Меня всегда интересовала личность. Мне кажется, что в портрете можно раскрыть внутренний мир человека, а это интересно и для художника, и для того, кого он пишет. Друзья-коллеги советуют мне работать именно в этом жанре.

– Почему?

– Они считают, что в портрете мне удастся показать не только внешность, но и внутренний мир человека.

– Очень интересное суждение. Вероятно, этим и объясняется твоя тяга к иконописи. Ведь икона – это тоже, по сути, портрет. В котором внутреннее к тому же важнее внешнего.

– Совершенно верно! Меня всегда интересовал идеальный образ. И чем больше я уходила в духовную жизнь, тем лучше понимала, что этот идеальный образ я могу найти в иконе.

– А если я спрошу, что такое икона именно для тебя? Что ты ответишь?

– Для меня... Поначалу она была для меня... целью?... результатом моего труда... А теперь написание иконы стало

сродни молитве. Когда пишешь, буквально чувствуешь присутствие Бога. Как во время молитвы. Каждому верующему это знакомо, но каждый ощущает по-своему. Несмотря на то, что живу в монастыре, где сосредоточен, казалось бы, на одном – на молитве, мысли нет-нет и разбегаются, а работа над иконой собирает меня воедино.

Работа над иконой для меня – еще и путь самопознания: насколько смогу изобразить Свет. Сначала я накладываю на место лика санкирь – довольно темную краску, в иконописи она называется «землей». Потом при помощи плавей из этой «земли» постепенно проступает свет, рождается лик, как бы выводится личность из недр Космоса. И уже после этого продолжается работа над образом: выписываются глаза, контуры губ, бровей... И важно в этот момент удержать свет, не смазать его торопливостью и посторонними помыслами.

Бывает, что вот-вот достигнешь замысла, который у тебя внутри, – и вдруг из-за неправильного движения исчезают чистота и свет. Господь не дает тебе успокаиваться и быть довольной собой.

– Что может помешать работе над иконой?

– Да что угодно! Враг же не дремлет. Всегда мешают помыслы, невозможность сосредоточиться. Меня очень волнует духовное состояние современной церкви и общества. К сожалению, воздействие мира на церковь, мне кажется, сильнее влияния церкви на мир. Как мы можем говорить о высших христианских ценностях, если до сих пор не научились жить по совести? Что тут противопоставить? Может, кто-то, глядя на иконы, сможет искренно помолиться Богу...

– А есть ли что-то, кроме твоего внутреннего состояния, что помогает работе?

– Ответ может показаться странным: природа. Она тоже вызывает ощущение присутствия Бога. Даже не надо особо молиться – стоит только выйти в поле или в лес, как сразу чувствуешь красоту и гармонию сотворенного. Почти сразу возникает благодарность Богу. Писать иконы постоянно невозможно, поэтому для отдыха и вдохновения я несколько лет ухаживаю за небольшим садом. Меня умиляет там каждый цветок, это неповторимое создание Божие. Наблюдая за растениями и цветами, я не устаю поражаться их Божественному устройению.

– Что для тебя важнее в работе над иконой: волнующее вдохновение или кропотливый труд?

– И то, и другое. Кропотливый труд необходим в ремесле иконописца. А когда работаешь над образом, делаешь вроде бы техническую работу, – и приходит вдохновение.

– Чем, по-твоему, отличается настоящая икона от простого изображения святых?

– Это сложный вопрос. Оценка иконы очень субъективна. Как ты можешь объяснить, почему одна икона легла тебе на сердце и ты захочешь ее приобрести, а другая оставила тебя спокойной? Человек сам, подходя к образу, внутренне чувствует, есть ли связь с Первообразом, он должен доверять своему чувству.

– Какого направления в иконописи ты придерживаешься?

– Московской школы, Андрея Рублева. Хотя меня интересуют и другие направления, например византийская икона.

– У тебя есть любимый иконописный образ?

– «Спас Вседержитель» Андрея Рублева.

– А иконописец?

– Из современных – архимандрит Зинон, особенно его ранние работы. В первых, мне близко то, что он – монах. Но главное, Зинон меня поражает вдохновенностью образов. Кроме того, он хороший мастер.

– Как ты считаешь, проявляется ли духовное состояние человека в созданной им иконе или картине?

– Живописную картину можно написать, как известно, в любом душевном состоянии. Бывает, что страсть усиливает вдохновение. Это я знаю по себе. А в иконе плохое духовное состояние может отрицательно повлиять на образ. Почти невозможно написать настоящую икону, если ты в смятении чувств или в какой-то страсти. В лучшем случае ты напишешь автопортрет, а в худшем...

– Какой этап работы над иконой для тебя самый интересный?

– Написание лика. Это вообще в иконе самое главное – раскрытие образа.

– А самый трудный?

– Иногда трудно найти общий колорит, а еще вовремя остановиться, чтобы не «засушить» работу.

– А какой этап самый ответственный?

– Он же и самый ответственный.

– Что ты чувствуешь, когда бываешь в храме преподобного Серафима

и видишь свои иконы в нижнем ярусе алтаря?

– Только радость от того, что сподобилась написать эти образы. Два из них – Спасителя и Богородицы – мне кажутся удачными. Даже бывает ощущение, что это не я написала.

– Иконописание – дело строгое. Как соотносится канон и индивидуальный стиль?

– Для себя я давно ответила на этот вопрос: «свое» возможно только в рамках канона.

– Какую икону ты хотела бы написать сейчас?

– Образ преподобной Великой Княгини Елизаветы Федоровны. Меня вообще поражают люди, обладающие таким даром, как самопожертвование, самоотдача. Мы знаем, как выглядела княгиня Елизавета, есть множество ее фотографий. Я вижу в этом интересную работу – написать не портрет, но иконописный образ.

– Возникает ли у тебя желание вернуться к живописи и графике? Написать портрет, пейзаж, натюрморт?

– Раньше я, как все художники, «забывала», выходя на природу. Сразу хотелось ухватить всю красоту и запечатлеть ее. Написать и одно, и другое, и третье. Когда же я начинала писать иконы, эта работа полностью меня поглощала. Мне уже было не до пейзажей, мне казалось, что я «выросла» из художника. Хотя красота окружающего мира по-прежнему меня волновала. Художник прикладывает усилия, ему нужны знания, навыки, труд, а созданная Богом красота – вечна. В молодости человеку хочется создать что-то свое, и я создавала фантастические пейзажи. Они казались мне интереснее, чем то, что меня окружало. А с годами я начинаю больше ценить то, что дано Богом, Художником величайшим, и у меня все больше появляется желание, но уже с моим нынешним опытом, может быть, написать пейзаж.

– Ты уже больше двадцати лет не сешь послушание в Ивановской епархии. Есть ли у тебя ностальгия по городам детства и юности? Паневежису, Санкт-Петербургу?

– Нет. Но иногда хочется еще раз побывать в горах Кавказа.

– И последний вопрос. Изменилось ли твое отношение к монашеству, точнее, твое представление о монашеской жизни за годы в постриге?

– Да. Если я раньше наивно считала, что с переменной одежды автоматически появляется «духовность», то теперь я по-

нимаю, что над собой надо постоянно работать. После пострига дается благодать, летаешь как на крыльях. Думаешь, что будет это до конца жизни, а потом оказы-

вается, что необходим ежедневный труд. Иногда люди, живущие в миру, благочестивее и более устремлены к Богу, чем монахи.

Монашество, как и иконопись, перестало быть для меня самоцелью. Есть разные пути к Богу, а монашество – лишь один из них.

Об иконах матушки Христины

Настоящее иконописание можно считать разновидностью духовного творчества. Творчества как богосотворчества. Примечательно, что традиционная иконография, построенная на строгих церковных канонах, в своих изобразительных приемах вовсе не исключает индивидуальной, т.е. неповторимой, манеры письма. К примеру, иконописные шедевры, созданные гениальными русскими иконописцами преп. Андреем Рублевым и Дионисием, строго каноничны и в то же время совершенно различны. Кстати, и в обликах наших русских святых последнего времени – преп. Серафима Саровского, Амвросия Оптинского, Феофана Затворника и др., житие которых описано более детально, прослеживается то же самое сопоставление: с одной стороны, строгая верность церковной традиции, а с другой – неповторимое своеобразие и даже новаторство.

Однажды мастера китайской живописи на его выставке спросили, не мешают ли ему строгие правила и ограничения, предписанные китайской традицией в искусстве. «Когда я не умел рисовать, мешали, а сейчас нет», – ответил мастер.

Проследившая эволюцию иконописных работ матушки Христины на протяжении двадцати с лишним лет, я считаю, что ее требовательность к своему церковному изобразительному творчеству, внимание к мельчайшим его деталям и в то же время постоянная неудовлетворенность его плодами, с Божией помощью, достигли своеобразия высокого индивидуального мастерства в традиционной иконографии.

Игумен Антоний (Логинов)
* * *

Иконописное творчество матушки Христины – это духовное предстояние на границе между двумя мирами: дольным и горним.

Уникальная гармония духовной ауры Ермолинской пустыни, творческий потенциал ее обитателей и органичное благолепие храмового комплекса на фоне обычной природы средней полосы России – вот основа художественных реали-

заций эстетики культового действия для матушки Христины.

Создание уникальной духовно-материальной среды, попадая в которую человек имеет реальную возможность приобщиться к невидимому миру высшей духовности – это огромная ответственность для иконописца.

Воцерковленность, молитва и путь «духовного делания» сугубо индивидуальны, и статус монахини позволяет матушке Христине развивать профессиональные навыки, стяжая Божью благодать.

*В.Н. Демьяненко,
председатель союза дизайнеров
г. Иваново*
* * *

Мы живем в век эрзаца, подмены. Это касается и иконописи. Иконописцы скованы каноном, и зачастую мы видим плохой список с плохой литографии. Как это у А.С. Пушкина?

*Художник-варвар кистью сонной
Картину гения чернит
И свой рисунок беззаконный
Над ней бессмысленно чертит.*

А у м. Христины своя иконография, что бывает крайне редко, это выдающееся достижение. Непосильная задача – создать свою икону в рамках канона, а она создает. Надо много выстрадать, чтобы этого добиться. Это дар. Уникальна написанная ею храмовая икона.

Иконы м. Христины образуют свою среду, от них исходит тепло. При этом они не являются суперсовершенными. Но профессиональное несовершенство не мешает молиться.

Александр Кокин, художник
* * *

Не считаю себя профессионалом в сфере матушкиных творений. Могу лишь благоговейно созерцать и учиться, хотя она сама всегда говорит, что ей не хватает учения, и жадно впитывает любые советы и новости. Меня восхищает ее смелая работа с цветом, хотя она сама себя признает больше графиком. Особенно цвет жизнерадостен в храмовой иконе. Кажется, что она сделана на одном

дыхании, хотя знаю, чего ей это стоило. Знаю, как матушка дотошно выискивает, изучает разные технические тонкости, затем ревностно следит за исполнением. А кажется, все выполнено с легкостью. Это мастерство. А сколько еще непознанных возможностей, – воистину, икона – это бесконечность. Знаю, что матушке Христине не грозит самодовольство и ее поиски и старания порадуют и удивят.

Ирина Носова, художник
* * *

«Сколько людей, столько и путей святости». Эти слова глубокого и яркого богослова нашего времени Владимира Лосского можно непосредственно отнести к любому творческому пути, и особенно к иконописи. Ведь наше творчество – это и есть мучительный поиск диалога с Богом. В иконах монахини Христины, как и при личном общении с ней в момент написания, всегда слышится это звенящее, как натянутая струна, вопрошание Бога или святого, образ которых она в данный момент пишет. Интересно наблюдать уже в оконченной работе, какая грань жизни святого отзывалась на внутренние вопросы Христины, стала ей сродной. Сложно оценивать мастерство, законченность образа, но в каждом ее произведении видно, что внутренняя встреча со святым состоялась, определенная грань его души, его духовной жизни стала близкой автору, стала ответом на ее внутренние поиски.

Монахиня Сергия
* * *

В иконах матушки Христины есть то, что делает их живыми: при полном соблюдении канона в композиции, в ликах, в особенности – во взгляде Спасителя, Божией Матери есть тихий призыв к твоей собственной душе, и ты это чувствуешь, переживаешь и – оживаешь. И это, наверное, главное. А в образах святых и ангелов – больше личного, но оно, личное отношение матушки к ангелу или святому, тоже вносит живое чувство в твоё восприятие и по-своему всегда со-звучно ему.

Такие иконы – мосты через одиночество и праздник души.

Борис Трахтенберг, математик

1

2

3

4

5

6

7

8

9

10

11

12

1. Икона Божией Матери «Иверская»

2. Спаситель

3. Ангел Хранитель

4. Святой апостол и евангелист Иоанн Богослов

5. Святитель Николай, архиепископ Мир Ликийских, чудотворец

6. Святой апостол Тимофей

7. Преподобный Серафим, Саровский чудотворец

8. Святая мученица Галина

9. Святой благоверный князь Александр Невский

10. Святая Наталия

11. Святая мученица Дария

12. Святая мученица Алевтина

Не улетаите, журавли

Русская литература не была бы такой, какой мы ее любим, не будь в ней праведников. Их совсем немного, просто горстка – тех, кто явил перед Богом цельность жизненного и творческого служения.

И не случайно эти писатели не на слуху, не в первом ряду классиков, а несколько в тени, в затишке. Они будто сторонятся славы. Василий Жуковский, Иван Козлов, Борис Зайцев... Из недавнего времени – драматург Виктор Сергеевич Розов.

Столетний юбилей Розова пришелся на август нынешнего года и остался почти не замечен. Крошечная заметка в одной газете и повтор нескольких фильмов по «Культуре».

А сейчас минувла осень. И где-то над нами уже проплыли журавли. «Летят журавли» – помните?

* * *

Это было историческое событие. 1958 год. Фильм «Летят журавли», поставленный Михаилом Калатозовым по сценарию Виктора Розова и снятый великим оператором Сергеем Урусевским, получает Золотую пальмовую ветвь (первую и по сей день единственную для нашего кино) на Каннском кинофестивале.

В те дни только Надя, жена Розова, знала, что «Вечно живые» написаны в 1943 году солдатом-калейкой при тусклом огоньке коптилки, – он тогда только вернулся после ранения в родную Кострому, вскоре схоронил отца, голодал. Друзья отнесли пьесу в лито¹. На другой день старик-цензор вернул рукопись автору: «Читал, товарищ Розов, вашу пьесу. Плакал. Но запрещаем».

Виктор Сергеевич вспоминал потом: «Я ушел довольный, так как старичок плакал».

И вот через четырнадцать лет – триумф, аплодисменты многих столиц мира, награды, мешки писем, признание миллионов людей. В келью Зачатьевского монастыря (тогда там были коммуналки), где они с Надей жили, приходили самые знаменитые люди Москвы. Все это могло бы кому угодно вскружить голову, но только не Розову. Он слишком многое пережил к своим тогдашним тридцати шести годам.

Потом было всякое: его пьесы ставили и о них забывали, критика возносила его до небес и шмякала оземь, власть то лезла к нему с объятиями, то обадала холодом. А он был и остался Розовым.

¹ Цензурный орган, следивший в числе прочего и за репертуаром театров.

Тем мальчиком, который мечтал о театре и играл в школьной постановке роль Дождя, робко произнося всего одну фразу: «Ничего-ничего, я сейчас пройду...».

Юным актером, трепетным учеником Марии Ивановны Бабановой.

Новобранцем, что 10 июля 1941 года шел по темным московским улицам с Краснопресненской дивизией народного ополчения и услышал из темноты женский голос: «Возвращайтесь живыми!».

В фильме «Летят журавли» есть такой эпизод: бабушка вместо крестика дает Борису, уходящему на фронт, пуговку. Обычную пуговку. Бабушка крестит ее и протягивает внуку. Сколько в этом правды – и о жизни, и о вере, и о любви...

* * *

Пьесы Розова не льстили человеку, но возвышали его. Названиями розовских пьес люди аукались, окликали друг друга: «Вечно живые», «В добрый путь!», «В поисках радости»... С помощью Розова и его героев люди находили своих единомышленников, друзей и любимых.

Когда надо было сказать о людях чистых, жертвенных и благородных, то говорили: «розовские мальчики».

Его пьесы шли по всему миру, но ни огромная известность, ни премии и награды – ничто не умалило души Розова. Не ожесточило его и забвение, которым испытали старого писателя девяностые годы. Этот деликатный и застенчивый человек был неуступчив и горяч, когда речь шла о судьбе Отечества. Виктор Сергеевич до смертного часа говорил нам о любви, милосердии, доброте, о том, чтобы мы берегли друг друга.

Вот строки из его обращения к коллегам (к делегатам съезда Союза театральных деятелей России): «Друзья мои, мы должны в меру сил своих помочь светлым людям страны в их подвижническом служении вечным истинам добра и справедливости. Есть такие люди в нашем Отечестве, есть... Нет ничего вечного в бренном мирском состоянии. Осознаю сейчас эту

Я – человек судьбы. Мне абсолютно ясно, что Божественное предопределение существует.

В.С. Розов

истину как мало кто из вас. Потому и призываю, прошу: не скупитесь творить добро, пусть самое скромное и неприметное. В нем, и только в нем мы сохранимся во времени, по нему – сотворенному нами добру – будут вспоминать и судить нас...».

В это трудно поверить, но обращение старейшего русского драматурга не было зачитано на том театральном съезде. Письмо спрятали, как что-то недопустимое. Кого-то напугала непривычно открытая проповедь добра, ведь на нее у нас почти никто не решается. Одни нашли «новые ценности» – те, за которые хорошо платят. Другие бы и возвысили голос, да сомневаются – услышат ли «глас вопиющего в пустыне»? Третьи не хотят выглядеть банальными и считают, что время прописных истин навсегда ушло. Вместе с СССР.

Но если оно ушло навсегда, то почему в храмах, когда священник в конце службы выходит на амвон для проповеди, все подвигаются ближе, ближе к батюшке, и становится тесно, как в метро в час пик? И никто не шелохнется, все обращаются в слух, и только того боятся, что не услышат. Отчего это? Ведь ничего нового батюшка не рассказывает, абсолютно ничего. Он лишь своими словами говорит о том, что известно уже две тысячи лет.

* * *

Был май 2002 года. Я купил у метро банальную розу, побродил немного во дворе и решил позвонить в домофон. Потом поднялся на старом медлительном лифте с деревянными створками. Только створки открылись, как я увидел Надежду Варфоломеевну. Она вышла на площадку

и ждала меня. Была такая старомосковская традиция – обязательно встречать гостя у лифта и провожать его потом до лифта.

Я знал, что Виктор Сергеевич тяжело болеет, давно не встает, поэтому осторожно спросил, можно ли подарить цветок Виктору Сергеевичу. «Он, кажется, дремлет. Сейчас посмотрю...».

Надежда Варфоломеевна ушла в комнату, и я услышал, как она нежно сказала: «Витюша, тебе такую красивую розу принес молодой человек...».

В этих словах было столько нежности, что мне сразу захотелось плакать. Эта особенная нежность была мне знакома по моим старикам, тоже прожившим вместе огромную жизнь, но не растерявшим в пути ни капли любви...

Надежда Варфоломеевна провела меня в комнату. Виктор Сергеевич лежал против окна. Он открыл глаза и сказал: «Надя...».

* * *

Из монологов Виктора Сергеевича Розова²:

Помню, стояли на подоконнике простенькие цветы. А ливень хлынул и сломал мне этот цветок. Копеечный цветок. Пустиковый цветок. Но как я плакал, что цветок сломался! Плакал, потащил его на балкон, под дождичек. Цветок копейный, а мне было шесть лет.

В восьмом или седьмом классе меня под Пасху послали проповедовать в деревню, что Бога нет. И я ходил далеко, до Волги. А в дороге страшно, пустынно, идешь и трясешься. Чтобы обороняться от волков, я держал в руке перочинный нож. После лекции крестьяне заперли меня в амбаре на большой замок – чтобы меня не убили.

Я ведь из Костромы в Москву приехал. Жить было негде. Мне сказали: вот ВГИК набор делает и дает общежитие. А общежитие было в Зачатьевском монастыре. Мы договорились с другом, что будем учиться, только если вдвоем поступим. И вот я поступил, а он – нет. И я ушел. Учился в школе-студии Театра революции. А жить было негде. Я проживал где попало. То на вокзале, то у знакомых.

² В те же месяцы, когда я был в гостях у Розовых, режиссер Александр Белобоков и сценарист Нина Аллахвердова снимали документальный фильм о Викторе Сергеевиче. Фильм называется «Сегодня за окном туман». С любезного разрешения привожу некоторые монологи Виктора Сергеевича и Надежды Варфоломеевны из этой замечательной картины.

И вот однажды я, бесприютный, беспризорный и голодный, сижу на Мясницкой в забегаловке, грею руки о стакан горячего чая. Потом я пошел по бульвару. Все было плохо и угрюмо. И вдруг в меня что-то влетело. Я увидел этот же бульвар, этих же людей, это же небо, это же солнце... И у меня так на душе сделалось счастливо, что много лет я носил в себе вот это влияние кого-то, чего-то на мою судьбу.

А вскоре пожилая женщина сдала мне угол. Ее звали Пелагея Ивановна. Она жила в келье Зачатьевского монастыря. А на верхнем этаже как раз было общежитие ВГИКа – то есть я все равно попал в этот монастырь.

Келья была маленькая, метров восемь. Плата – сорок рублей, а стипендия была у меня – сорок пять. Пелагея Ивановна выставила еще условие: никого не приводить. Спал я на сундуке, который был меньше моего роста. Я прожил на этом сундучке пятнадцать лет.

Однажды мой товарищ Витя Барков привел меня в одну компанию. Как открылась эта дверь в Лебяжьем переулке, так я остолбенел. Влюбился невозможно. Это было прямое попадание. Надя... Я любил ее и до войны, и во время войны, и после войны, пока она не согласилась выйти за меня замуж. Сколько лет прошло – слава Богу, ничего не тускнеет.

Я на поле боя был один день. Это была такая каша. Это было истребление нас. У немцев автоматика, они моторизованные, а у нас винтовки и пушки допотоп-

ные, на конной тяге. Да мы еще и стрелять не умели.

Потом меня везли в госпиталь шесть дней. Шесть суток я не спал, даже не закрывал глаз. Боль. Адская боль.

Госпиталь во Владимире помещался в церкви. Меня обмыли, положили на полу в нижнем храме, под сводами, и накрыли простыней с головой. Потом хотели отсечь ногу выше колена. Но женщина-хирург сказала: «Решили побороться за вашу ногу». И девять месяцев боролись. Я остался хромой, но не безногий. Спрашиваю доктора, свою спасительницу: «Как вас зовут?». Она отвечает: «Мария Ивановна Козлова». А у меня у любимой девушки фамилия – Козлова. А Мария Ивановна – это Бабанова, моя учительница в школе-студии, гениальная русская актриса.

Это было во Владимире, а потом перевезли меня в Казань. Другой врач, женщина, спрашивает: чего бы вы хотели? Пить хотите? Я говорю: да. Врач обрадовалась: раз есть желание, значит, сохранилась страсть к жизни. А есть хотите? Да. Она воскликнула даже: это хороший признак! А чего вы хотите? Не теряя чувства юмора, я сказал, что хочу пирожки с мясом и компот. Это означало пожелать совершенно невозможное. Но знаете, утром она принесла мне компот и пирожки с мясом. Уж где она их достала, чего это ей стоило!

В госпитале сестра, бывало, скажет: «Какой ты, Розов, веселый». А я отвечал: «А как же, это ведь нога болит. Я-то здоров».

На выставке к столетию В.С. Розова. Ее организовал музей МХАТ, директор которого М.Н. Бубнова любезно предоставила нашему журналу возможность проиллюстрировать публикацию

Этот дом мне снится не в первый раз. Это снится мне долго: дом, а там живут мама и папа. Они живые. Когда я понял это, то хотелось плакать от радости, какая-то легкость... Странные происходят вещи...

Я считаю, что «Летят журавли» – это рука судьбы. Это было невероятно, и я был участником этого невероятного... Все сложилось у меня в жизни так, как должно было сложиться. Что я сделал для этого? Палец о палец не ударил. Единственное: я не вмешивался в течение моей жизни и не старался делать жизнь с кого.

Царство Божие внутри нас... Я убежден, что в жизни так много прекрасного, что человек просто обязан быть счастливым. Мы порой слепы к истинным радостям – к любви, к дружбе, к состраданию, к возможности оказать бескорыстную помощь... Слепы и оттого несчастны...

Стихи эти я написал еще в госпитале, лежа на спине, загипсованный:

*Сегодня за окном туман,
Открою двери и растаю.
Домов верблюжий караван
Куда-то в дымке уплывает.*

Любовь к Розову и его героям передалась мне, видимо, по наследству от мамы и дедушки Леонида. Дедушка с карандашом в руках читал все статьи Розова, все интервью с ним. Сегодня эти вырезки передо мной, и я особенно внимательно читаю те строки, что подчеркивал дедушка десять лет назад.

Когда мы жили на Алтае, мама писала рецензии на первые розовские пьесы. Вернее, меня-то еще не было на свете. В нашем домашнем архиве чудом сохранился мелко исписанный пожелтевший листок бумаги, под ним стоит дата «24 декабря 1960 г.» . Тогда были популярны новогодние приветствия от знаменитых людей, и вот молодежная редакция, где работали мои родители, обратилась с просьбой к Виктору Сергеевичу. В недавно вышедшем собрании сочинений Розова этого текста нет.

Дм. Шеваров

НОВОГОДНЕЕ ПИСЬМО ВИКТОРА РОЗОВА В РЕДАКЦИЮ ГАЗЕТЫ «МОЛОДЕЖЬ АЛТАЯ»

Дорогие товарищи!

От всего сердца поздравляю вас с Новым годом!

Очень трудно выразить свои новогодние пожелания не в традиционной форме, и я не буду пытаться это делать. Бесспорно все мы, а молодежь в особенности, хотим, чтобы новый год разрядил международную обстановку, чтобы легче дышалось всем людям на земле, чтобы можно было мечтать о будущем не только смело, но и уверенно. И не только нам, но и молодежи всего мира. Не так давно я был в Англии, встречался там с молодежью и с большой горечью замечал, что на какую бы тему у нас ни завязывалась беседа – все сводилось ими к вопросу: будут падать на землю атомные бомбы или нет. Я видел в их глазах страх, мешающий им жить. А это были честные, умные английские ребята и девушки.

*Дороги шум и улиц гам
Как будто тонут в хлопьях ваты,
И я плыву по облакам
И невесомый, и крылатый.*

Наталья Варфоломеевна Козлова-Розова:

Имея бронь, слепой на один глаз, он имел моральное право не идти в это пекло. А он туда сунулся. И это только Бог спас его, ведь из его дивизии остались в живых только он и медсестра. Все, абсолютно все погибли.

У нас не было в жизни ни одного скандала. Когда мы жили еще в Зачатьевском монастыре, у нас соседка была одинокая. Ей одной скучно было, и она сидела в коридоре, вязала и все видела. И вот она однажды говорит: «Да-а, на свете есть Иисус Христос, Владимир Ильич Ленин и Виктор Сергеевич Розов...».

Нас вообще-то похоронили давно, года два назад. Врачи, когда узнают, что Виктор Сергеевич жив, удивляются... Я раньше не была верующей, но когда чудеса так явно совершаются... Мне кажется, Господь не хочет, не хочет нас разлучать.

Я раньше никогда не слышала, чтобы Виктор Сергеевич молился, чтобы он захотел обвенчаться... и вот надо же придумать такую историю: прожив со мной 56 лет, надумать обвенчаться! Мне не хотелось его огорчать, хотя я к этому относилась с удивлением, даже с настороженностью... На венчание пришли сын, дочь, внучка, внук Ванька... И сейчас я, когда что-то тревожное подступает, помолюсь ночью, и мне кажется: Он слышит. Помогает. Если бы не слышал, то давно бы отобрал Виктора Сергеевича, а Он нас пока не разлучал.

* * *

Незадолго до своего ухода писатель-фронтовик Борис Васильев в одной из телепередач вспоминал, как был из госпиталя послан ранеными обменять сахар на махорку, – сел на забор и стал выглядывать прохожих. Вдруг идет один, вспоминает Васильев, хромой, еле-еле передвигается. Говорит, что махорки нет, но завтра, когда пойдет на рынок, поменяет. Васильев кинул ему сахар, вернулся в палату, где все на него набросились, обругали – ни сахара, ни махры теперь. На другой день хромой мужичок прико-вылял, принес махорку. Это был Виктор Розов.

Итак: пожелаем друг другу и всем добрым людям мира – ясно-го неба над головой.

Бесспорно, чем шире и глубже интересы человека, тем он значительнее и содержательнее, но, однако, все люди живут и сугубо личными, интимными, им одним принадлежащим чувствами. И мир этих чувств может быть очень интересным и прекрасным. Он зависит от многого. Я желаю вам, каждому в отдельности, обогащения и укрепления своего внутреннего мира. И если у кого-то на пути возникнут трудности – мужественного и честного преодоления их!

Желаю свершения ваших лучших замыслов!

Лично я мечтаю в 1961 году закончить сценарий для «Мосфильма», для режиссера М.К. Калатозова, с которым мы дружились в совместной работе над фильмом «Летят журавли». Сценарий этот о молодом человеке наших дней. О молодом человеке, который стоит на распутье всех жизненных дорог, обуреваемый сомнениями, надеждой, отчаянием, верой... Главное столкновение – это столкновение его представлений и понятий о жизни с реальной действительностью. Он много бродит по жизни – видит ее, познает

Сценарий я думаю написать к 1 февраля, март-апрель пойдут на подготовку к съемке, а в мае картину предполагают начать снимать. Действие происходит летом, и надо за лето снять всю картину.

Когда окончу сценарий, примусь за пьесу для Центрального детского театра, которому в 1961 году исполняется сорок лет. Я давно связан работой и дружбой с этим театром. И мне очень хочется написать для них пьесу получше. Темой пьесы, видимо, будет вопрос о человеческой индивидуальности.

Еще раз с Новым годом, друзья!

Здоровья вам, сил и счастья!

Виктор Розов

1960 г., 24 декабря

*Удостоверение члена редколлегии журнала «Юность» – как пропуск в вечность
Фото Ларисы Беляевой*

НАГРАДЫ

Орден Отечественной войны I степени

Два ордена Трудового Красного знамени

Орден «За заслуги перед Отечеством» III степени

Орден Дружбы народов

Орден Русской Православной Церкви «За милосердие»

Медали России и зарубежных стран

Государственная премия СССР (1967)

В июле 1999 года Институт прикладной астрономии РАН присвоил имя Розова одной из малых планет

ВЕХИ ЖИЗНИ И ТВОРЧЕСТВА

1913, 8 августа. Родился в Ярославле в праздник покровительницы города – иконы Божией Матери «Толгская». Родители – Сергей Федорович и Екатерина Ильинична Розовы.

1914. Первая мировая война. Отца призывают в действующую армию.

1918, июль. Ярославский мятеж. Дом, в котором жили Розовы, сгорел. Семья переехала в Ветлугу.

1923. Переезд в Кострому, где живет дядя, Александр Федорович Розов, легендарный городской врач.

1930-1931. После школы работает на текстильной фабрике, в слесарных мастерских, учится в индустриальном техникуме на электрика.

1932-1933. Работает в Костромском театре юного зрителя.

1934. Приезжает учиться в Москву. Сдает экзамены в четыре театральных училища, поступает в школу Театра революции.

1935. Знакомство с 17-летней Надей Козловой. Первая и единственная любовь.

1940, февраль. По заказу Театра революции пишет пьесу «Адвокат Патлен».

1941, весна. Актер вспомогательного состава Театра революции. Медицинский диагноз: «Страдает тяжелой формой нервного истощения на почве голодания».

1941, июль. Вместе с другими молодыми актерами уходит добровольцем в ополчение Красной Пресни.

1941, август. Первый бой, и сразу же – тяжелое ранение.

1942, 18 июля. Выписывается из госпиталя. Организует в Костроме театральную бригаду, ездит по колхозам и госпиталям, ведет концерты как концертное.

1943, весна – лето. Пишет пьесу «Семья Серебрицких» (впоследствии названа «Вечно живые»).

1945, 16 мая. Женитьба на Наде Козловой. Наталья Сац приглашает в Алма-Ату – работать режиссером и актером в Театре для детей и юношества.

1949. В Москве премьера пьесы «Ее друзья», о слепой девушке. Первая роль Олега Ефремова.

1952. Окончил Литературный институт им. Горького.

1953. Пишет пьесу «В добрый час!».

1955. Входит в редколлегию только что созданного журнала «Юность».

1956. Пишет пьесу «В поисках радости». В новом театре «Современник» Олег Ефремов ставит пьесу «Вечно живые».

1957. Режиссер Михаил Калатозов снимает фильм «Летят журавли» – экранизацию пьесы «Вечно живые».

1958, 19 мая. На XI Международном кинофестивале в Канне фильм «Летят журавли» получает главный приз – «Золотую пальмовую ветвь».

1959–1966. Создает пьесы «Неравный бой», «Перед ужином», «В дороге», «В день свадьбы», «Традиционный сбор». Много ездит по миру.

1970–1972. Пишет инсценировку по роману Ф.М. Достоевского «Братья Карамазовы». Пьесу «Брат Алеша» ставит А. Эфрос.

1978. Пьеса «Гнездо глухаря».

1981. Пьеса «Кабанчик», которая была опубликована только в 1987 году.

1991. Завершает пьесу-фантазию «Гофман». Публикует провидческую статью «Возвращение к здравому смыслу», где пишет: «Мы прошли испытание на бедность. Но испытание на сытость нам еще предстоит. Выдержим ли?».

2004, 28 сентября. Скончался в Москве. Похоронен на Ваганьковском кладбище.

«Мы – скауты, рыцари Бога»

Первые строки известной скаутской песни неспроста стали заголовком этого очерка. Вера в Бога и любовь к Родине, благородство души и крепость духа, трезвость ума и телесное здоровье – вот признаки настоящего русского скаута, православного чада своего многострадального Отечества.

Многие эксплуатируют сегодня в своих не всегда правых интересах такие высокие понятия, как Православная вера, патриотизм, христианская честь, человеческое достоинство, но совсем не многие понимают, что за ними стоит. Такое понимание достигается лишь опытным путем, проходящим сквозь терния разочарований, чертополохи наветов, репы зависти. Это узкий путь, путь делания, а точнее – выделения человеческого сердца в добрый, чистый и благородный сосуд, достойный стать приятелем Духа Святого. День за днем преданные своему делу молодые руководители трудятся на этом поприще, чтобы из доверенных им детей воспитать людей с настоящим христианским сердцем, чтобы зажечь их благородством православного витязя – рыцаря своего Отечества. Этот труд часто бывает незаметен внешне, не менее часто – оплеван и оклеветан.

По благословению настоятеля протоиерея Георгия Полозова, при храме иконы Божией Матери «Знамение» в Ховрине работают скаутские отряды. (Дополнительная информация - на сайте www.orur-spb.ru).

Как только не унижают русского скаута: обвиняют в прозападничестве, в несерьезности педагогического подхода, в недостаточной «православности» или, напротив, в излишней религиозности, одним не нравится скаутская форма, другим еще что-то, и так – бесконечно. «Почему вы называетесь скаутами? Это ведь не по-нашему, не по-русски!» – слышится со всех сторон. Да, «скаут» – английское слово, которое означает «разведчик». Но этому слову есть место в русском языке. Оно заслужило его теми людьми, кто отдал жизнь за Россию, теми

Автор – духовный руководитель православных ассоциаций скаутов Западной Европы и Западно-Европейского Отдела Российской Федерации.

именами мучеников, исповедников и святых XX века, которые были воспитаны скаутской организацией или сами воспитывали юных скаутов-разведчиков. Среди таковых – Цесаревич Алексей Николаевич, Великая княгиня Елизавета Федоровна, Святитель Иоанн Шанхайский, братья Солоневичи, совершившие беспрецедентный побег из Соловецкого ГУЛа, и многие другие верные сыны и дочери своей Отчизны. Хочется спросить у подобных «радетелей» русского языка, почему они вешают *шторы* на *карнизы*, завязывают *шнурки* на *ботинках*, надевают *кепку*, каждый день проводят в *метро*, *автобусах*, *трамваях*, *троллейбусах* и *маршрутных такси* и при этом не возмущаются тем, что все это – не русские слова? Нападки таких псевдорусофилов показывают их ограниченность, а чтобы стать и называться скаутом, это надо еще заслужить.

Почти два года назад в московском храме иконы Божией Матери «Знамение», что в Ховрине, заискрились первые скаутские огоньки. По благословению отца настоятеля было положено начало скаутской работе с группой ребят младшего школьного возраста. Всю осень, зиму и весну ребята вживались в сказочный мир джунглей, играя по книге Р. Киплинга о своем любимом герое – Маугли. В этой игре во главе с мудрым вожаком стаи Сиони – Акелой – они пытались стать достойными сынами джунглей. Воспитанием ребят занимались старый медведь Балу, сильная и добрая Багира, коршун Чиль и дикобраз Сахи. Появлялся и сам Маугли, помогавший еще несмелой детворе набраться храбрости и доблести. Все эти качества как нельзя кстати пригодились в борьбе со злыми, глупыми и неорганизованными Бандарлогами. И вот наступил решающий момент для нескольких подростков к лету ребят – про-

Отец Роман и его команда

Делай как я

Чьи следы и куда они ведут?

Может, отсюда и начнется дорога в жизнь?

Так было

явить себя в условиях реальных джунглей. Правда, рязанских.

Прямиком из Москвы, а некоторые и из Питера, мы десантировались, точнее – «скаутировались» в село Маклаково Рязанской области и стали обживать чудесный близлежащий лесок. Шестеро еще неопытных «волчат» и три старых «волка» – Акела, Чиль и Балу устроили полностью автономное логово, где прожили весело и дружно целых шесть дней. Рязанская земля – родина Сергея Есенина и ВДВ – встретила нас и солнцем, и затяжным дождем, а главное – потрясающим радушием местных жителей. Настоятель чудесного храма в с. Маклаково в честь свт. Николая Чудотворца отец Владимир и его верный друг и соратник Владимир Петрович, который восстановил этот храм из руин, сделали все возможное и невозможное, чтобы помочь организовать лагерь и обеспечить его безопасность. Здешние жители буквально завалили нас местными душистыми яблочками, вареньем и медом, а тех, кто промок во время проливного дождя, обогрели, пропарили и оставили ночевать. Словом, заботились о нас, как о собственных детях. Настоятель другого храма – «Нечаянная Радость», что рядом с Маклаками, как любовно называют свое село аборигены, о. Александр познакомил со своей воскресной школой и дал возможность смастерить под руководством умелого мастера деревянную лапту (биту) в столярном уголке. Сын отца Александра – диакон Иоанн – охотно помогал нам в наших приключениях. Выяснилось, что в армии он был настоящим разведчиком. По молитвам наших Владимиров-хранителей и именем своего небесного покровителя св. равноапостольного князя Владимира, чью память мы вместе праздновали, причащаясь Святых Христовых Таин, наш первый лагерь прошел удивительно радостно и плодотворно. Были в нем испытания и игры, ночные костры и самоотверженный труд, первые победы и небольшие разочарования, радости и огорчения, шипы и розы. И в конце непростого пути, полного преград и трудностей, как победителей венчал нас Господь незабываемой радостью наших детей и искренней благодарностью их чистых и простых сердец.

Видя, какое благотворное влияние оказывает скаутинг на современную молодежь, Николай II записал своего сына – Цесаревича Алексея – «урядником» в скаутское звено. По нездоровью Наследник не мог полноценно участвовать в жизни скаутского отряда и ходить со своими сверстниками в походы. Однако вступление Цесаревича в семью скаутов свидетельствовало о важной роли, которую Николай II отводил движению в воспитании российской молодежи.

Огромное влияние на развитие скаутского движения в Москве оказала Великая княгиня Елизавета Федоровна. Будущая основательница Марфо-Мариинской обители дала ему новый импульс после того, как в 1914 г. оно стало затухать с уходом на фронт первого скаутского методиста ротмистра Г. Захарченко. Под ее покровительством и при ее участии был создан Комитет Общества содействия организации «Юных разведчиков» г. Москвы. Елизавета Федоровна сама проводила со скаутами занятия и принимала испытания по медицине.

Идея создания скаутского движения в России принадлежала императору Николаю II. Он с большим интересом прочел книгу английского офицера Роберта Баден-Пауэла «Скаутинг для мальчиков», которая вышла в 1908 году. Государь не только одобрил идею и символы скаутизма (девиз, значок), но и призывал прилагать все усилия, чтобы заинтересовать скаутским движением русское общество. По его указанию книга была переведена на русский язык, и уже в 1909 году под руководством штабс-капитана Олега Ивановича Пантюхова в Царском Селе начал работать первый скаутский отряд.

До революции скаутское движение имело у нас огромную популярность: к 1917 году в России насчитывалось 50 000 скаутов в 147 городах.

СКРЕПЫ

От всякого человека, получившего крещение, Бог требует следующих трех условий: правой веры от души, истины от языка и целомудрия от тела.

Блаженный Григорий

Как нужны сегодня его слова и дела!..

В нынешнем, 2013 году в издательстве с символическим названием «Родное пепелище» (г. Нижний Новгород) вышел в свет сборник статей и писем выдающегося педагога-просветителя Сергея Александровича Рачинского. О нем писала «Лампада» в № 3 за этот год. Сборник называется «Из доброго сокровища сердца своего...». Его составитель – Ирина Ушакова, автор и нашей публикации. Поистине нет ничего случайного! Прадед и прабабушка Ирины Владимировны были учениками С.А. Рачинского.

Имя С.А. Рачинского (1833–1902) становится все более почитаемым в нашей стране. Ибо его трудами положено начало педагогики для народной школы, закреплённое немалой практикой. Его стараниями воссозданы Общества трезвости, в которые к началу XX века вступили десятки тысяч человек по всей стране.

В нынешнее время, когда размывание культуры и падение нравов принимают угрожающие формы, статьи и обращения С.А. Рачинского, такие, как «Народное искусство и сельская школа», «Письма к духовному юношеству о трезвости», и другие, собранные в книгу, – это прямое обращение к нам для того, чтобы нас убережёт от ложных путей и соблазнов.

Книга издана при поддержке Ржевской епархии и администрации Оленинского района Тверской области.

Приобрести книгу можно в Москве, в лавках Сретенского и Новоспасского монастырей. Средства от продажи книги пойдут на реставрацию колокольни Троицкой церкви села Татева.

Предлагаем вашему вниманию фрагменты из книги С.А. Рачинского, подготовленные Ириной Ушаковой

Та высота, та безусловность идеала, которые делают русский народ народом христианским по преимуществу, которые в натурах спокойных и сильных выражаются безграничною простотою и скромностью в совершении всякого подвига, доступного силам человеческого; которая в натурах страстных и узких ведет к ненасытному исканию, часто к чудовищным заблуждениям; которая в натурах широких и слабых влечет за собой преувеличенное сознание своего бессилия, и, в связи с ним, отступление перед самыми исполнимыми нравственными задачами, необъяснимые глубокие падения; которая во всяком русском человеке обуславливает возможность внезапных победоносных поворотов от грязи и зла к добру и правде, – вся эта нравственная суть русского человека уже заложена в русском ребенке. Велика и страшна задача русской школы в виду этих могучих и опасных задатков, в виду этих сил и слабостей, которые она призвана поддержать и направить. Школе, отрешенной от Церкви, эта задача не по силам. Лишь в качестве органа этой церкви, в самом широком смысле этого слова может она приступить к ее разрешению. Ей нужно содействие всех наличных сил этой церкви, и духовных, и светских...

* * *

Легко сослаться на Петровские реформы, на целый ряд правительственных постановлений, облекших нашу Церковь в мертвящие формы казенного ведомства. Но все это еще не корень зла, а вопиющий его признак. Над живою Церковью никакое правительство в мире не властно; зло не в мерах правительства, а в медленном, постепенном, по большей части бессознательном от-

Сергей Александрович Рачинский

СТАТЬИ И ПИСЬМА

падении от Церкви всего, что у нас есть образованного, богатого, властного...

...Положение нашей Церкви опасно. Опасно оно не для самой Церкви – ее победоносная жизненность проявляется и теперь для всякого, кто имеет глаза, чтобы видеть, уши, чтобы слышать. Оно опасно для тех, которые от нее отпали. Не тайным ли сознанием этой опасности объясняется позорное равнодушие нашей интеллигенции к делу образования нашего народа, ее торопливая жажда захватить внешнюю власть, за неимением внутренней.

Спасти эту интеллигенцию от гибели, которую она себе готовит, могут только дружные усилия людей мыслящих и верующих, неустанная их работа на почве Церкви, на почве школы. Медлить невозможно. Предостережений было довольно.

* * *

...всего важнее, то искреннее благочестие, тот интерес к вопросам веры и духа, который вынесли из дома и внесли в сельскую школу ее ученики, в ней становятся сознательнее и глубже, становятся могучими будильниками ума и впоследствии поддерживают те навыки и знания, которые приобретены ими в школе. Духовная жажда становится для них главным побуждением не только к чтению, но и к писанию, находящему в их быту так мало постоянных практических приложений. В свободные минуты они с величайшей охотой переписывают молитвы, духовные стихотворения, отрывки церковно-назидательного содержания. Понимание церковно-славянского языка, знакомство с богослужением, способность участвовать в нем пением или чтением привлекает их к церкви. Крестьянина, прошедшего через школу, в которой отведено должное место церковному элементу, не легко совратить в раскол. В материальном отношении школьная

грамотность приобретает особую важность для тех крестьян, которые ищут занятий в городах, а также для поступающих в военную службу...

* * *

Дело народной школы шире и глубже, чем всякая иная общественная деятельность. Для того, чтобы осилить его, нам нужно совершить внутренний подвиг. Нужно нам выйти из того лабиринта противоречий, в который завела нас вся наша внутренняя история нового времени – совместное расширение нашего умственного горизонта и сужение кругозора духовного, совместное развитие у нас европейской культуры и крепостного права. Внешний узел разрублен. Пора разрешить внутренний.

Достаточно мы жаловались на то взаимное непонимание, на то полное отчуждение, ту бездну, которая отделяет у нас массу народа от образованных его слоев, и тормозит все отправления нашей будничной жизни, поражая бессилием все наши благие начинания, направленные к ее устройству. Достаточно оплакивали мы тот роковой разрыв, который составляет суть нашей внутренней истории нового времени и однако не мешал в великие минуты этой истории нашему полному единению. Пора нам вспомнить, что у нас под ногами есть общая почва, и твердо, и сознательно встать на нее. Пора сознать, что настало время взаимодействия, благотворного для обеих сторон, не только мгновенного, случайного взаимодействия и единения, которое вызывается событиями чрезвычайными, а взаимодействия постоянного, ежедневного. Почва этого взаимодействия, этого единения – Церковь; орудие его – школа, и по преимуществу – школа сельская.

Из книги «Заметки о сельских школах»

Ирина Ушакова

Пока живо слово – жив народ

Крепкой уверенной походкой она входила в класс, где у нас шли уроки литературы. Запрокидывала голову, встряхивая светлыми кудрями, и мне со второй парты был виден ее мокрый от пота лоб. Неимоверно загруженная директорскими делами, она всегда очень спешила к нам, своим ученикам.

У нее был любимый голубой джемпер, в цвет светлых глаз. Надевая его, она вся светилась. Такой и запомнилась: большая, сильная, светловолосая, словно в нежном голубом свечении.

Помню первые уроки литературы Натальи Михайловны Просужих в нашей подмосковной новоольховской школе. Связаны они были с памятью о войне.

– С заглавных букв, – размеренно диктовала она, – пишутся слова «Великая Отечественная», а «война» пишется с маленькой, потому что это плохое, страшное слово.

А за школьным окном виднелся маленький холмик – могила неизвестного солдата, останки которого в 1987 году школьники случайно нашли в лесу. Мы все тогда гордились, что у нас теперь есть «свой» солдат. Потому что благодаря таким, как он, мы вволю гуляли под мир-

* * *

...вопрос о народном обучении есть вопрос уже не о частном зле и не о частном благе, которое может разлить та или другая система: здесь вопрос о будущем целой России, вопрос гораздо более важный, чем все вопросы о финансах, судопроизводстве, полиции и вообще о государственных учреждениях. Ибо как ни плохи будут учреждения, но когда дух народа цел, государство останется непоколебимо; а когда последовало в народе нравственное разложение, тогда самые превосходные учреждения не удержат государство от гибели.

Дух народа и его нравственные силы держатся или преданием, или обычаем, пока народ не образован, или даются направлением просвещения, когда настала пора образования. Для нашего народа наступает такая пора; он не хочет идти более ошупью, руководствоваться слепым преданием и обычаем, он хочет действовать сознательно и просить у старших своих братьев указания к этой сознательной дороге. Итак, весь вопрос в том: дадим ли мы ему таких проводников, которые будут для него не более, как просветителями в собственном смысле, то есть помогут ему только сознательно утвердиться в таких же преданиях и обычаях, которые до сих пор он признавал слепо? Или же предоставим общественному меньшинству, колеблемому всяким ветром учения, и в настоящую минуту случайно настроенному противоположно исконным русским началам, вывести народ на совершенно новую дорогу, которой и конца не видно?

Из статьи

«О первоначальном народном образовании»

1880 – 1900 гг.

цем...». Так нам открывались характеры и поступки героев произведений, которые мы читали.

Для Натальи Михайловны и Мцыри, и Чичиков, и Печорин были живыми людьми, она умела так ярко представить их нам, что мурашки бежали по спине от «эффекта присутствия». Помню, меня буквально пронзила лермонтовская «Молитва»: «...есть сила благодатная в созвучье слов живых...». Может, потому и запал в душу урок по Лермонтову, что оказался уроком родинолюбия, уроком чести и мужества, уроком... нет, не богопознания, мы же были советскими школьниками, но первым поводом для раздумий: если поручик Лермонтов пишет молитву, значит... «что-то есть».

Я не знаю, была ли Наталья Михайловна верующим человеком, вероятнее всего – нет, но то, как она лепила наши души через любовь – к литературе, друг к другу, к детям-беженцам, что пришли в наш класс, к животным, но главное – через любовь, – говорит о безусловно христианском складе ее души. Ее совестливый взгляд не давал и нам обращаться в сторону дурных поступков. Не знаю, как мои одноклассники, но о себе могу сказать: мой приход к вере был

во многом подготовлен нашей учительницей по литературе.

Мне и сейчас тепло от ее слов. После них никакие объяснения, почему нельзя не любить свою родину, не нужны.

Не нужны были и объяснения, почему необходимо любить людей, помогать им в беде, когда в наш класс в 1991 году пришли «новички» – пятеро беженцев. Это были армяне и азербайджанцы, спасавшиеся от Карабахской войны. Наталья Михайловна привела их в класс и сказала, что у них на родине льется кровь, а им нужно учиться. Каждому она как-то проникновенно жала плечи своими большими ладонями и рассадила за парты.

Мы приносили им в общежитие свои книжки и одежду, привлекали в разные кружки и в музыкальную школу, делали все, чтобы они чувствовали себя как дома. И никогда не думали бы, что в чем-то уступают нам. Это потом по телевизору стали обманывать и ожесточать народ нашей Родины – СССР... Но Наталья Михайловна продолжала учить добро всех одинаково. И это добро у нас не отнять.

Классе в шестом я начала собирать домашнюю библиотеку. Собирали свои библиотеки и мои подружки. А сегодня часто приходится видеть вываленные на помойку домашние библиотеки, бесценные тома, изданные Академией наук в тяжелые военные и послевоенные годы, и, что более нелепо, – списанные в городских библиотеках тома классики. Так, лет десять назад я тащила домой выброшенные руководством Исторической библиотеки Москвы собрание сочинений поэта Михаила Дудина – фронтовика, лауреата Госпремии СССР, Героя соцтруда, и поэта Василия Федорова, стоящего в одном ряду с Александром Твардовским и Константином Симоновым. Видимо, прогуливали уроки литературы те, кто так распоряжается национальными культурными ценностями! А Томас Манн назвал нашу литературу святой. А Райнер Мария Рильке писал Марине Цветаевой: «Чем только я не обязан России, она сделала меня таким, каков я ныне, из нее я вырос духовно, она – родина каждого моего побуждения, все мои духовные истоки – там!».

На русском языке говорили все народы нашей великой Родины. Потому что русские учителя, оставив свой дом в Тверской-Смоленской-Ярославской губерниях, отправились учить народы Азии и Кавказа. И недаром в Махачкале руководство Дагестана открыло ныне памятник русской учительнице. Это – собирательный образ просветительницы, которая

принесла бесценное сокровище русского слова во все отдаленные республики.

Через русское слово из аулов и юрт вышли многие ученые, врачи, инженеры. Как русский учитель был изгнан из школ бывших союзных республик в начале 90-х, многие знают не понаслышке. Об этом сняты такие фильмы, как «Тихая застава», режиссера Сергея Маховикова, «Вернулись мы на Родину» автора сценария и режиссера Людмилы Коршик...

Русский учитель стоял преградой хамству и косности. Когда стали стираться грани между добром и злом, люди стали больше преклоняться греху в силу своей природной поврежденности.

Мы сами отдаем свою речь на поругание. Язык, на котором говорит современная молодежь, напоминает скорее жевание жвачки, где уж ей осилить вес и объем образного, художественного русского слова. А меж тем, на сколько языков мира переведены произведения русских классиков! (Фондом им. Лермонтова к двухсотлетию юбилею поэта в 2014 году готовится сборник одного стихотворения «Выхожу один я на дорогу» в переводе на тридцать языков мира!). Видимо, все еще мил и в Европе, и в Америке, и в Индии язык, о котором современный поэт и драматург Анатолий Парпара пишет:

*...Как встрепенешься,
кинешься навстречу,
Когда вдали от родины своей
Услышишь нежный звук
славянской речи
Среди гортанных неродных речей.
И тот порыв
с отчетливостью знака
Вдруг прояснит в далеком далеке,
Как важно то,
что можно петь и плакать*

На материнском милом языке...

Кто бы мог тогда подумать, что сегодня нам придется защищать наше родное Слово от тех, кто пытается сделать русский народ бессловесным потребителем, сокращая-отнимая у детей часы литературы в школе, а значит – отучая их размышлять, горевать, радоваться, мечтать, любить. Изъятие из нашей жизни живого художественного слова дало жуткие разломы, из которых хлынули дворовый сленг и площадная брань. У большинства из наших детей отсутствует образное мышление, желание творить и созидать, потому что их не познакомили с добрыми примерами творчества. Нравственную планку всегда держали примеры поступков героев художественных произведений. И эти примеры ничем не заменить, как не заменить Андрея Болконского Гарри Поттером. Поэтому детский, юношеский мир сжимается сегодня, как шагрень в руках Рафаэля де Валантена. И как следствие – учащающиеся случаи детского суицида.

Валентин Распутин как-то сказал, что люди затоптали тропинку между добром и злом, потому что слишком часто ходят туда-обратно. Если нашим детям не вернуть достаточное количество часов литературы в школах, если добрая книга не войдет в моду, как вошла она в советское время, эта тропинка совсем исчезнет. И затопчется добро. И не отыскать будет ту правду, которую прищивинский герой Антипыч, умирая, шепнул своей собаке Травке.

Знаю точно, что и сегодня Наталья Михайловна читала бы своим ученикам мировую художественную литературу после уроков и вечерами. И родителей просила бы читать детям.

Потому, что «словом можно спасти...». Потому, что пока живо слово – жив народ.

ДА НЕ ПРЕРВЕТСЯ СВЯЗЬ ВРЕМЕН!

Перед вами, дорогой читатель, прошли три сюжета: о возрождении скаутского движения в современной России, об учительнице русской литературы из советской школы и о выходе книги выдающего русского педагога-просветителя XIX века. Три сюжета, внешне не связанные между собой, но соединенные нерасторжимой внутренней скрепой. Это – действенная, воплощенная в конкретные дела любовь к своему народу, к отечеству, забота об их судьбе, а значит – прежде всего забота о детях, о семье, об их будущем. В сегодняшнем секулярном мире эти, с позволения сказать, «тренды» – тенденции – увы, не модны. Сегодня в цене человек воинствующий, самодостаточный, обращенный на себя. Сегодня в цене человек чувственный, охочий до всякого рода наслаждений, неумейный в желаниях. Сегодня – зеркальное отражение евангельской проповеди, а в зеркале, как известно, все наоборот.

Но жив, жив православный мир в России! И как бы ни бомбили его из-за пределов страны и изнутри ее, вратам ада его не одолеть. Одно из доказательств – наши три сюжета, соединенные скрепой, проходящей через три века.

Софрониева гора, наша новая Родина

Мы давно хотели дом в деревне купить. Пусть худой, старенький, только бы денег наших хватило. Чтобы и руками что-то поделатъ, и чтобы дети городские по травке побегали. Однажды мы вычитали где-то в сети, что в Вологодской области дом дешево продается, в суе какой-то с хозяином по телефону поговорили, сорвались, приехали, а из первой же избы вышли пьяные люди и говорят нам, мы вас-то знаем, уходите отсюда! Мы отвечаем им, да откуда же вы нас знаете, вы нас с кем-то спутали. Нет, говорят, не спутали, давайте, проваливайте...

Ну, мы постояли-постояли, а потом развернулись и назад через поле осеннее побрели к неизвестному автобусу, обидно было, да еще супруга моя на сносях, с животом огромным. Это так нам дом в деревне купить не терпелось. И однажды отправился я на север уже Тверской области. В Интернете сразу два дома нашел в одном районе, созвонился с молодым риелтором местным и поехал.

Первый домишко задней частью своей в землю совсем ушел, так – с фасада – вроде дом стоит, но если сбоку его обойти, тогда понятно, насколько он в землю ушел. Русская печь накренилась. Вида сбоку в Интернете не было. Ну и ничего, ведь деревня, деревня – это еще важнее, чем дом, а деревня-то живая. Гусарево. Домов мало, жители к нам вышли, стали что-то рассказывать, деревеньку свою нахваливать. Красиво, холмисто, и деревья старые, и поля, и озеро сильно заросшее, большое – в несколько километров, и все оно в протоках реки Мологи, все в птичьих криках. Соседняя деревня – Бежицы, с церковкой, это древний исторический центр всего района...

Я уже думаю, ну как хорошо, а просевший дом и подвесить можно, и вывесить, и перебрать, но тут выясняется, что хозяин дома прячется. Узнал, что у риелторов цена в десять раз выше, чем его собственная, – и телефон свой отключил, уже не первый день на связь не выходит, перепугался, мало ли что, или запил, или просто решил не связываться.

Жалко, но делать нечего, и поехали мы в другую местность, еще один дом смотреть, и тоже ничего из этого не вышло. Мне деревня совсем не понравилась. Важно ведь, чтобы место было местом, чтобы тебе хотелось именно здесь обосноваться, опять сюда вернуться, и так далее...

Голые поля, обломки бетонных коровников, вдоль светлой, как мука, дороги в два ряда ровно тянутся похожие дома, ровные огороды, первый дом – председателя, на доме спутниковая антенна, рядом с домом «волга» черная стоит, а соседний дом – тот, что продается. И цена высокая, и не впишемся мы сюда, не потянем мы такие мощные и ровные гряды, и борщевик везде вокруг, в общем, распрощался я с риелторами и отправился ни с чем восвояси, уставший, поникший и расстроенный.

Да, думаю, раз нет на то Божий воли, значит, так и надо жить в городе, ни о какой деревне не мечтать. Туманный сентябрьский день приближался к концу. Километров двадцать я от Бежецка отъехал, вокруг струился холмистый покой, и вдоль дороги деревеньки

попадались. Женщины стояли рядом со своими домами, продавали бруснику, яблоки и картошку.

Дом не купил, так хоть брусницы немножко детям куплю. Останавливаюсь, покупаю яблоки, бруснику, и лишь немного с людьми разговорился, а мне и подсказывают, есть дом. Тут от трассы километров пять, на горе, и церковка там есть старая. Когда цену мне назвали, я невольно ответил, а чего же дешево-то так? Документы не в порядке, что ли? Да все в порядке, просто не нужен дом стал хозяевам. Деревня называется Лозьево.

Поехали мы дом смотреть. Дорога в гору. На высотной доминанте строительный храм в коротком вечернем солнце. Руина храма так изящна, так еще крепка, и крест есть над руиной.

Храм Никиты мученика был построен в самом начале XIX века. В его же честь, понятно, центральный алтарь, а приделы – образа Матери Божией «Знамение» и Илии пророка. С горы, в остывающем медленно воздухе, красота зыбко трепещет на десяти километрах.

Продающийся дом пять лет пустой простоял, окно одно разбито, крыльцо уехало, угол подвешивать надо, но в целом крепкий дом, бурьяны вокруг выкосить – все и оживет. Восточные окна выходят прямо на храм, и солнце на храме.

Печь живая еще, «металлисты», конечно, покорежили слегка, вырвали плиту, дверцы да колосники выломали, но подлепить, все вставить можно, печь растопить, послушать треск поленьев, это однажды становится тем, ради чего и стоит жить. Вспомнить про огонь. Протянуть к нему руку...

Проводка вся обрезана... но мне вокруг как-то все больше нравилось, проводка – это дело поправимое. Какой зато обломок жернова в траве! Такой руками не покрутишь, тут лошадь нужна, а может быть, поблизости стоял большой ветряк. Проблем здесь с ветром нет. Заросшая и полупустая деревня в облаках летит, или это просто небо очень большим здесь кажется. Деревня. Зимовали в этом году три дома.

В середине XIX века село Лозьево было в триста домов, тогда даже трапезную в Никитском храме увеличивали. В начале XX века это еще боль-

шое село на 150 дворов, но постепенно остается 70, 30, сегодня мы насчитали 15 изб, сильно разбросанных одна от другой. В трех зимуют, две пустуют, в остальных – дачники жизнь поддерживают. Во всем пожары виноваты. Пожары времени. Пожары места. Здесь место огнеопасное. Травы на ветру сохнут рано. Здесь подобие хутора, один от другого метров за двести, а то и за пятьсот живет.

Вековые осокори, липы, ничейные яблони, торчащие черные ребра обрешетки какого-то мертвого дома, и все это рыжевато-седым быльем плотно заросло. Люди здесь добрые, гостеприимные. На первых порах мне, как новожилу, всячески помогали. И с каждым годом я все больше узнавал, осознавал, как здесь свободно, пустынно. Просто. Ветрено. Здесь птиц разных много. В конце западного склона есть озерцо, осенью вокруг него ночуют журавли, а весной токуют бекасы, издавая знакомое горожанину протяжное бление. Августовскими ночами молодые кулички спят стайками прямо на проселочной дороге. В лесу легко поднимешь тетерева, в поле – куропатку. А как токуют дикие лесные голуби, крупные, сильные вяхири! Они наполняют весенний воздух нежными гортанными голосами и в характерном параболическом полете исполняют кувырок с хлопком крыльев. Ласточки живут в каждом доме.

Осенью мы с сыном на автобусе сюда приехали, прошлись полями-перелесками пять километров в горку, ему лет десять-одиннадцать было. У него каникулы осенние, интересно ему все – сад, в полный рост заросший, на чердаке двора – сена старого несколько тонн, в доме мусора всякого море, и сколько диковинных коромысел, хомутов, ухватов, клубков грубых ниток и обломков ткацких станков...

Храм величественный и изящный, колонны разных ордеров на каждом следующем ярусе колокольни. Высокое строение в классическом стиле с элементами барокко невольно отстраняется от серых сараев, крытых замшевой дранкой, отплывает от черных изб, крытых и толем, и старым шифером, и с порывом ветра летит над деревней.

Остаток свода над трапезной рухнул этой зимой, но сама церковь креп-

кая, стены толстенные, окна вставить, полы настелить – и служить во славу Божию. Колокольня еще доступна для реставрации. Только бы крышу прикрыть, уже жизнь и потечет, а там, глядишь, и шпиль с крестом найдется. Глядишь...

В соседнем селе Константинове отличная церковь стоит пятиглавая, закрытая, сухая, открывай да служи. Так, запертая, и стоит, ждет своего открывателя. А соседнее-то село, по сравнению с Лозьевым, многолюдное, там уже и железная дорога, и школа недалеко. В Бежецкой епархии сегодня священников совсем мало. Святых мест куда больше...

Я печь весь день правил, но и к поздней ночи в ней еще дырки оставались, ну что ж, говорю, сынок, пошли на сеновал спать. Холодно, но все ж заснули, просыпаемся, а вокруг белым-бело. Снег первый выпал. Белый, как лен ангелов. К обеду дымок из трубы пошел.

Мальчишка чувствует весь простор здешний, носится и кувыркается в высоких зарослях сухой травы, украшенной первым снежком. А сколько было радости, когда среди каких-то тряпок мы нашли пробку электрическую, смастерили времянку, и в доме лампочка загорелась.

Акты, найденные в архиве московского Богоявленского монастыря, свидетельствуют, что в 1511 году и эта гора, и селище на горе было вкладом Василия Третьего и собственностью московского Богоявленского монастыря.

В 1937 году в нашем храме отслужил свою последнюю литургию иеромонах Софроний Харитонович Несмеянов, преподобномученик.

Он из донских казаков был, от властей, от обновленцев притеснения терпел. И во многих храмах служил священником, и монашескую мантию носил ту, что есть снесение клеветы и напраслины. Прямой человек был, прямо к Богу направлялся. Здесь, на горе, односельчанам, в 37-м всю правду о себе, о жизни рассказывал, и его предали. Он путем Христовым прошел. Теперь и гора, и прекраснейшая руина изящного храма, и крест на этой руине – все это теперь под сенью молитв преподобного существует.

Деревенское чаепитие

Нигде не могу пока найти фотографию святого Софрония, а они, скорее всего, должны быть: когда его мучили и расстреляли, ему было 67 лет.

Возле храма – старое кладбище, в проходах между могилами, в кустарнике, всюду видны наклоненные, выветренные головы могильных камней другой эпохи, вот чья-то эпитафия под углом

уходит под землю, уходит своим текстом под землю благословенную, вот чей-то отполированный камень 1830 года...

Надо испросить благословения, знающих людей поспрашивать, как поклонный крест вырезать, поставить. Пусть небольшой, но вырезать, с планками в форме крыши, стройный, строгий. Валуны скатить, водрузить с мо-

литвой. И какие именно слова должны быть на этом кресте.

Преподобне отче Софроние, моли Бога о нас грешных. Памятуют преподобномученика 3 ноября, молебен бы у креста хоть иногда служить, тогда и руину храма язык не повернется руиной называть, когда поблизости стоять будет свежий поклонный крест.

*Наш дом**Осень. Утро*

Прудик святой надо откопать. Старожилы показывают поросшую ивовой лозой низину за черненькой банькой. Здесь пруд был, святой назывался, в нем купаться никому не разрешали. Крестили, служили молебны водосвятные. Надо бы лопатой копнуть, вдруг жилка откроется. В разгар советских времен к пруду этому были неравно-

душны многочисленные трактора и бульдозеры. Сейчас все сильно заросло кустарником, лишь небольшая лужица собирается под ивовым кустом.

Человек в небо посмотрел и увидел звезду, когда в пустой деревне дом купил, а оказалось, здесь святое место...

Аистов надо привлечь, макушку сухому тополию убрать, колесо тележ-

ное туда приладить, а к колесу веток крупных веревками навязать, чтобы на основу гнезда все походило. В соседней деревеньке аисты-то есть. Была бы только воля Божия.

*Написал и сфотографировал
Василий Крюков*

*Софрониева гора
и ее окрестности*

Храм Никиты Мученика в селе Лозьево

...И вступаю в дыхание с ними одно

Я искала работу и нашла в одночасье работу сиделки.
Это Бог повернул в направлении нужном меня.
Я потом поняла, что в своей оказалась тарелке,
И о Промысле Божьем уже не жалела ни дня.

...Первый опыт в больнице. Дрожу, подходя к подопечной...
Подготовка в теории – все, что могу предложить...
А еще есть желание к ней отнестись человечно
И в дальнейшем доверие делом своим заслужить.

Получалось, конечно, не все и не так, как хотелось...
Сколько в этом труде отыскалось «подводных камней»!
Все мне было на пользу, и все, как ни странно, терпелось.
Наблюдалось и делалось, и становилось верней.

Этот мир у постели лежащих реален и страшен.
Прихожу и впадаю в дыхание с ними одно...

Эти стихи написала моя подруга Татьяна Мишина. Посылая их по электронной почте, прокомментировала: «Почему я написала об этом? Мне хотелось, чтобы люди увидели моими глазами мир лежащих больных, о котором они знают условно и не задумываются, пока на ногах, пока относительно здоровы... Я тоже увидела его впервые и первое время даже слов не находила... Одно я поняла почти сразу: надо обязательно готовиться к немощной старости и тяжелым болезням в первую очередь душой. Я словно лежала вместе с ними на этих ужасных койках, представляла себя в их ситуации и состоянии... Они не могли себе помочь своей безнадежной душой! В ней не было места для спасительного молитвенного покоя. Возможно, они это чувствовали, но не понимали, в чем действительно нуждаются... Мои робкие попытки обратить их чаяния к Богу не увенчались успехом. А ведь, мне кажется, именно душа, наполненная верой и молитвой, помогает телу перенести страдания, становится щитом от безумия, страха и пустоты, которые я увидела и которые так страшны в своей власти над человеком... Увидев это, я словно получила еще одну “инструкцию для жизни”».

Возможно, мои выводы ошибочны, но я действительно видела бабушек и дедушек, у большинства из которых в душе не было Спасителя. Ведь его присутствие в сердце человека невозможно не почувствовать. Да, никто из них не нуждался в священнике и не стремился к известному Таинству. Не видела я и родственников, хоть как-то заговаривающих со своими лежачими близкими о Боге. О ком и о чем угодно, но ни разу, ни полслова о Боге! Так тревожно и безысходно было рядом с такими моими подопечными. Я сама не знала, что у меня будут такие ощущения от увиденного. Я ведь просто была рядом, а не шпионила за ними, не

И кормлю их тела жидким супом и манною кашей,
И смотрю вместе с ними в разбитое жизни окно...

Были те, в меньшинстве, кого койка в себя не втянула.
Рядом с ними я делала выдох спокойный и вдох.
Но никто из людей, а я всем им в глаза заглянула,
Не нуждался в Целителе главном по имени Бог.

На кого же еще им надеяться в немощи, боли?
Доктора равнодушны, лекарства волшебного нет...
Впрочем, стареньким самым и самым больным до того ли?
Как младенцы лежат, что едва появились на свет.

И, выходит, себе они сами помочь не успели,
И так жаль, что родные несли им заботу не ту...
И сидит одиноко Спаситель у каждой постели,
А их бедные души летят и летят в пустоту....

выискивала, кому чего не хватает, а ЭТО все само вышло на первый план».

Таня Мишина – человек удивительный. Она чувствует чужую боль как свою. Это не преувеличение. Господь наградил ее редким даром сострадания. Не только к людям – ко всему живому. Зная ее со студенческих лет, я имела возможность убедиться в этом многократно. Таня не может пройти спокойно мимо брошенных щенят, притопленных котят, раненых птиц. Она берет их домой, лечит, выхаживает, выкармливает – нянчится с ними так, как люди обычные, без обостренного чувства жалости, не нянчатся даже с детьми. Не спит ночами, берет котят-сосунков с собой на работу. «Ведь их нужно кормить каждые два часа», – убежденно говорит она, и с ней никто не решается спорить.

К счастью, у Тани добрые и отзывчивые домашние: мама Маргарита Александровна (она детский врач), муж Павел и уже взрослый сын Алексей. Обычно, немного поворчав для порядка («Таня, ты снова в своем репертуаре!»), вся семья включается в спасение бедных животных. Иногда спасти недотопышей не удается, и горю Мишиных нет конца. Плачут все... Знакомые только головами качают и вздыхают: «Так нельзя...».

не хватает, а ЭТО
ый план».
човек удивитель-
но боль как свою.

А Таня не умеет иначе, поэтому к
непониманию и тем более осуждению
окружающих относится без внимания.
Она сама себе строгий суд...

Но помимо дара сочувствия – видимого, для равновесия, – Господь дал Тане еще один талант – творческий. Она пишет стихи. На мой взгляд, прекрасные. Их много. Напечатаны единицы, остальные на листках, на поздравительных открытках, в электронной почте. Сама Таня относится к своему творчеству критично и не жаждет обнародования, не стремится к широкой славе. Но у ее таланта много поклонников. Наверное, потому, что Танины стихи передают ее удивительное ощущение мира. Это именно ощущение, любованье миром, как у первооткрывателя. Она чувствует чудо жизни. В повседневности видит прекрасное, как будто сдувает с нее пыль, под которой – чистые краски. Мне иногда кажется, что поэтам Бог дает талант как возможность сотворчества. Мы ведь вслед за поэтом видим вещи такими, какими он их назвал. Поэтому все Танины стихи, даже те, что написаны на полях студенческих тетрадей, я собираю и бережно храню. Почти уверена, что им, как драгоценным винам, настанет свой черед...

Татьяна Мишина родилась в 1968 году в городе Горьком (теперь – Нижний Новгород), по окончании филофака университета несколько лет работала учителем русского языка и литературы, долгое время была надомным педагогом коррекционной школы, помогала больным детям, которые в силу физических особенностей не могут посещать школу. В августе прошлого года стала сиделкой у тяжелобольных людей и умирающих стариков. Сейчас – работник детской библиотеки имени Кольцова. В свободное время продолжает опекать лежащих больных

МИР ВОКРУГ НАС

Стихи Татьяны Мишиной

Все тут, все тут свернулись клубками:
И собака, и кошка, и муж.
Не стучи, моя ночь, каблуками,
Ты же мягкая – бархат и плюш.
Видишь, сны их сплелись беспокойно?
Как им душно у голой стены.
Ты загладишь их волны и войны,
Ты наполнишь их воздухом сны,
Ты вольешься в них сладким лекарством,
Мне оставив один аромат.
«Мы уже забрели в ее царство...» –
Их дыхания мне говорят.
«Мы уже высоко улетели,
Ты смотри, ничего не нарушь», –
Мне сопят из своей колыбели
И собака, и кошка, и муж.
Все я вижу, ничем не нарушу
Ваших тел закругленный покой,
Мне б самой уложить свою душу
В незатейливой позе такой.

* * *

Поймали рябину хрустальные пальцы
сосулек,
И голые ветки, и сморщенных ягод бока.
Какие там ягоды! Несколько сморщенных
пулек
Ржавеет внутри ледяного, как смерть,
кулака.
Как носится ветер! Грохочет железом
по крыше.
А сердце за взглядом попало в нелепый
столбняк.
В тисках, на безлюдье застыло. Пропало,
не дышит,
Пока я решала, что было в рябине не так.
И вот уж не воздух, не ветер, а серая пена
Качает зловещее дерево в метре от глаз.
Я знаю, что буду в себя приходить

Так в зимние месяцы было со мною
 не раз.
 Не примет мою благодарность случайный
 прохожий,
 Взорвавший мой кокон внезапным
 ударом плеча,
 Чтоб я отыскала себя под рябиновой
 кожей
 И снова была мимолетна, жива, горяча.

ВЕТЕРКИ

Ветерки молодые вчера родились
за окном
И старушечье зимнее платье у неба
терзают.
И хотя лишь носы в это кучее платье
у них пролезают,
Все равно, все равно это кажется им
пустяком.

Ветерки молодые, как ваша внезапна
пора!
Не остаться бы ей в одночасье внезапно
напрасной.
Ветерки молодые, я стала, как небо,
стара,
Так зовите гулять, не жалеите мне ткани
атласной!
Рассыпайте речные ракушки по краю
дорог,
Дайте зимнему взгляду утешиться
и удивиться,
Выгоняйте меня, выдувайте меня
за порог,
В межсезонье с забытой нерадостью
этой страницы.
На березовых ветках качели устройте
душе,
А у тонкой воды не тревожьте ее
созерцанья,
Прилетайте ко мне, за окном на моем
этаже
Небесам мы устроим со старой одеждой
прощанье.

* * *

Ноябрь – он тоннель. Всего лишь переход
От грязи стылой к свежести румяной,
Но длинен этот месяц, словно год,
И неприятен, как попутчик пьяный.
А я с ним под руку. Прильну и не отнять
Тяжелых ног от улицы шершней,
И вот уже его походке скверной
Мне хочется невольно подражать.

Но есть другое в промежутках сна.
Я видела сверкающие маки.
И свет, и музыку, и это были знаки,
Что радость скоро станет мне видна.

* * *

Ну, вот и вернулась способность
Слова... целовать... не спеша...
И пряталась в мире особом,
Как в доме знакомом, душа,
Я с книгой тиха и блаженна.
Ни окон во мне, ни дверей.
Я еду в карете волшебной
С недавних своих пустырей.
И греет все клеточки тела,
И рвется легко, напоказ
То чувство, что птицы влетело
В роскошное таинство фраз.

* * *

Впору бы уснуть,
Да пишутся стихи.
Лучше уж взглянуть,
Как улицы тихи.

На ладонях голову
Грустную качать
Бесконечно думать,
Думать и молчать.
Ночь стоит в истоме
Из углов дыша,
Прочь ее не гонит
Ни одна душа.
И, как снега, мыслей
Можно натрясти.
Светом или тенью
Следом обрести...
Да не лягут камнем
Дни издавала
О пустом, о главном —
Все слегка, слегка...
Даже ты, прохожий,
Милостью моей
Даже не дорожи
Остальных теней.
Проходи, не мешкай,
Глаз не подымай,
Прошлого тележку
Впереди толкай.
В сон войти успеешь
Через черный ход
Вниз идут ступени —
Задом наперед.

* * *

рь. Сверкает утро года
изным солнцем в хрустале,
картину вся природа
жа стала на земле.
теперь глазам отрада,
ей такая благодать,
видно, сердцу и не надо
-то большего желать.
шь только светятся надежды
гел бережно хранит,
д ногами нежно-нежно
док снежинками хрустит.

* * *

ными снегами наваялась,
покрыла всю людскую грязь
еще метет себе, метет,
сама по чистому идет
нет ни галок, ни ворон,
е следы со всех сторон.
оят дворцы, а не дома,
ется им она сама.
овет идти за ней, идти,
бывая с толку и с пути,
меня ее узорный сад,
вет никто меня назад.
и, конечно, не ее вина,
й дворец давно в объятьях сна

ЛАМПАДА

в вашем доме

Подпишитесь на журнал для тех, кто стремится к Истине

ИЗДАНИЕ ХРАМА
ИКОНЫ БОЖИЕЙ МАТЕРИ «ЗНАМЕНИЕ» В ХОВРИНЕ

Узнать о свежем номере и познакомиться с архивом журнала можно на сайтах
www.znamenie-hovrino.ru и pressa.ru

Одобрено Синодальным информационным отделом Московского Патриархата

(Свидетельство № 228 от 10 декабря 2012 г.)

Выписать журнал «ЛАМПАДА» можно
в любом отделении связи

На «ЛАМПАДУ» можно подписаться
и непосредственно в редакции

Подписные индексы:

43570 – в объединенном каталоге «Пресса
России»

16594 – в каталоге «Почта России»

«ЛАМПАДА» продается в книжных лавках московских храмов:

Благовещения Пресвятой Богородицы в Петровском парке
(ул. Красноармейская, 2, стр. 2 г)

Анастасии Узорешительницы в Теплом Стане (ул. Теплый
стан, влад. 4, 6)

св. мц. Татианы при МГУ (ул. Б. Никитская, 1)

Воскресения Словущего на Успенском Вражке (Брюсов пер.,
15/2)

Воскресения Христова в Сокольниках (Сокольническая пл., 6)

Всех Святых б. Ново-Алексеевского монастыря (2-й Крас-
носельский пер., 7)

вмч. Георгия Победоносца в Коптеве (Б. Академичес-
кая ул., 33)

Иверской иконы Божией Матери на Всполье (ул. Б. Ордын-
ка, 39)

иконы Божией Матери «Знамение» за Петровскими воро-
тами (1-й Колобовский пер., 1, стр. 2)

Новоспаский ставропигиальный мужской монастырь
(Крестьянская пл., 10)

прп. Алексия, человека Божия (2-й Красносельский
пер., д. 3)

Рождества Пресвятой Богородицы в Крылатском
(ул. Крылатские Холмы, 43)

Троицы Живоначальной в Хорошеве (Карамышевская наб., 15)

Троицы Живоначальной в Хохлах (Хохловский пер., 12)

Троицы Живоначальной в Орехове-Борисове (Борисовский
пр., 15, стр. 4)

Покрова Пресвятой Богородицы в Измайлово (Серебряный
остров, д. 1, стр. 1)

Сошествия Святого Духа на б. Лазаревском кладбище (ул.
Советской Армии, 12, стр. 1, 2)

Спаса Нерукотворного Образа в селе Котово (г. Долгопруд-
ный, Парковая, 2)

Сретенский ставропигиальный мужской монастырь (ул. Б.
Лубянка, 19)

Тихвинской иконы Божией Матери в Алексеевском
(ул. Церковная Горка, 26а)

Успения Пресвятой Богородицы на Успенском Вражке (Га-
зетный пер., 15)

царевича Димитрия при Голицынской (1-й Градской) боль-
нице (Ленинский просп., 8, корп. 5)

Троицы Живоначальной в Останкине (1-я Останкин-
ская ул., 7, стр. 2)

свв. апп. Петра и Павла на Новой Басманной (Н. Басман-
ная, 11)

апостола Иоанна Богослова (Богословский пер., 4)

свт. Климента, папы Римского (ул. Пятницкая, 26/7)

Успения Божией Матери в Казачьей слободе (ул. Большая
Полянка, 37)

Книжный магазин «Книжница» (Нижняя Радищев-
ская ул., д. 2)

Троицы Живоначальной в Троице-Лыкове (Одинцов-
ская ул., 24)

Новомучеников и исповедников Российских в Строгине
(Строгинский бульвар, 14)

Всех святых во Всехсвятском, (Ленинградский проспект,
73а)

Всемиловитого Спаса в Митине. Патриаршее подворье.
(Пятницкое шоссе, вл. 5)

Рождества Христова в селе Рождествено (Митино)
(ул. 1-я Муравская, 39)

Преображения Господня в Тушине (Волоколамское шос-
се, 128)

Иконы Божией Матери «Знамение» в Аксиньине (Фести-
вальная ул., 6)

преп. Сергия Радонежского в Бусинове (Ижор-
ская ул., 1)

иконы Божией Матери «Отрада, или Утешение» на Ходы-
нском поле (ул. Поликарпова, д. 16)

Троицы Живоначальной при бывшей Черкасской богадель-
не, Патриаршее подворье (Ленинградский просп., д. 16, стр. 1)

прп. Алексия, человека Божия в Крылатском (Рублевское
шоссе, вл. 54)

Богоявленский кафедральный собор в Елохове (ул. Спартаков-
ская, 15)

Казанской иконы Божией Матери
в Коломенском (пр. Андропова, 39,
стр. 9)

Усекновения главы Иоанна Пред-
течи в Дьякове (пр. Андропова, 31,
стр. 7)

Позвоните:

8 916 388 4188 или

8 963 962 5575

ISSN 2225-0271

9 772225 027100

Русская Православная Церковь

Храм иконы Божией Матери
«Знамение» в Ховрине

№ 6 (93) 2013

ноябрь — декабрь

ISSN 2225-0271

ЛАМПАДА

ЖУРНАЛ ДЛЯ ТЕХ, КТО СТРЕМИТСЯ К ИСТИНЕ

ДВАДЦАТЬ ЛЕТ
СВЕТА И ТЕПЛА